

Пробуждение куклы

Автор:

Лена Обухова

Пробуждение куклы

Елена Александровна Обухова

Городские легенды #3

Забравшись на территорию заброшенного детского лагеря, когда-то принадлежавшего фабрике игрушек, двое ребят не ожидали встретить там десятки старых кукол. Зато их появления кое-кто ждал. Оказавшись не в том месте не в то время, они пробудили нечто, дремавшее годами. Теперь Владу и Юле снова предстоит помочь полиции разобраться в деле, которое выходит за границы привычного понимания мира. В то же время каждого из них терзают собственные страхи, с которыми сложно справиться в одиночку. Смогут ли они помочь друг другу? И кого выберет новой жертвой потревоженное зло?

Лена Обухова

Пробуждение куклы

Пролог

20 ноября 2016 года, 17:15

Окрестности г. Шелково, Московская область

Дорога была ужасной: разбитая «бетонка», на которой машина то подпрыгивала, то проваливалась колесом в яму. На фоне этой узкой полосы, не оставлявшей шанса разминуться со встречным транспортным средством, латаное-перелатаное шоссе между Шелково и Пряниково казалось просто идеальным.

Ярик любил быструю езду, но, свернув на это недоразумение, сбросил скорость почти до минимума: машину стало жалко. Старушка японского производства и пятнадцать лет по дорогам уже откатала, но к такому жизнь и производитель ее определенно не готовили. Каждая новая колдобина впивалась в сердце Ярика острой иглой, и он тихо ругался сквозь зубы.

Чем больше они удалялись от шоссе, тем гуще становились заросли вдоль дороги и мрачнее обстановка. В ноябре темнеет часов с четырех, а в пять уже начинается настоящая непроглядная ночь, и сейчас это было им на руку. Лезть в заброшенный детский лагерь ночью у Ярика не было ни малейшего желания, а провести там час требовалось именно в темное время суток.

– Кажется, добрались, – подал голос с соседнего сиденья Кира, с которым они ввязались в эту авантюру.

Ярик, смотревший до сих пор только на подлое полотно дороги, поднял глаза выше и действительно обнаружил впереди высокий забор, состоявший из бетонных секций, местами заметно накренившихся. В кромешной темноте, разгоняемой только дальним светом фар, выглядело это довольно жутко. Пришлось напомнить себе, что сейчас еще фактически день.

Старенький седан подъехал к наглухо закрытым воротам и остановился прямо перед ними. Съезжать с бетонки опасно: по краям все заросло высокой травой и разномастными кустами, что там валяется на земле, не разглядеть, а потому легко можно пробить шину. На дороге машина все равно никому не помешает: едва ли кому-то понадобится в ближайшее время въехать в эти ворота или выехать из них.

Они выбрались из салона, заперли двери и достали смартфоны, чтобы включить на них фонарики: без света фар мир вокруг провалился в такую непроглядную темень, что мороз побежал по коже. Луна стыдливо пряталась за тучами, сквозь которые и солнце днем не могло толком пробиться, а никакого искусственного освещения по периметру лагеря или на его территории не наблюдалось.

– Черт, и как туда попасть-то? – пробормотал Ярик, разглядывая ворота и забор.

Он подергал створки, но те почти не двинулись с места, только глухо гроыхнули. В тишине этот звук показался похожим на раскат далекого грома. Забор был слишком высоким, залезть по нему без специальных средств не представлялось возможным.

– Залезем уж как-нибудь, – махнул рукой Кира. – Я поискал на ютубе, там есть видюшки отсюда, значит, есть и вход. Надо первую запись сделать, чтобы время уже пошло.

– Ну вот мы и здесь, – произнес Ярик в камеру нарочито бодрым тоном, позируя на фоне ворот. – За моей спиной – детский лагерь «Радуга», точнее, то, что от него осталось. Пока не знаем, как попадем внутрь, но похоже, что никакой охраны на территории нет. Очень надеюсь, что мы не столкнемся со стаей голодных бродячих собак.

Проход на территорию обнаружился довольно быстро, достаточно было немного отойти от главного входа: одна из бетонных секций оказалась завалена сильнее других и стояла под таким углом, что по ней не составляло труда подняться, как по трамплину, и потом спрыгнуть на землю уже с другой стороны забора.

– Вот мы уже и на территории, – на этот раз инициативу перед камерой взял на себя Кира. Он говорил на ходу, но дышал так тяжело, словно бежал. Его сердце колотилось непривычно быстро. – Честно скажу: тут офигенно. У меня мурашки по коже... Не уверен, что на записи будет что-то видно, потому что тут почти нет освещения, но мы видим очертания нескольких корпусов, все они двух или трехэтажные. Зато наверняка слышно, что здесь очень тихо. Никаких собак. Вообще ни одной живой души!

– Блин, а тут реально круто, – выдохнул Ярик, продираясь сквозь высокую, уже почти засохшую траву.

– Круто, но стремно, – подтвердил Кира.

– Да ладно, сам же сказал: тут нет никого, – отмахнулся Ярик, хотя у самого сердце тоже выпрыгивало из груди. – И это тебе не Припять какая-нибудь: радиации тоже нет.

– Но чем-то похоже, – с восторгом и благоговением прошептал Кира, когда свет фонариков выхватил из темноты перед ними пустынную детскую площадку с покосившимися качелями, проржавевшей каруселью и какой-то невнятной конструкцией.

Площадка имела специальное покрытие, сквозь которое растениям было трудно пробиться, поэтому здесь диких зарослей не наблюдалось, но природа все равно пыталась отвоевать это место: кое-где в трещины уже высунулись тонкие росточки. На следующий год их наверняка станет больше, а потом еще больше. Рано или поздно качели-карусели будут торчать прям посреди поля.

– Жесть, – нервно хохотнул Ярик. – Реально как в том кино.

Кира не понял, какое именно кино имеет в виду приятель. Он бы уточнил, но отвлекся: ему почудился рядом приглушенный скрип, и он стремительно повернулся к качелям, одновременно боясь и желая увидеть, как они раскачиваются под действием невидимой силы. Но качели висели без движения.

– А ведь когда-то тут играли детишки, – нарочито мрачным тоном произнес Ярик. – Звучали их звонкие голоса и смех... Но, блин, если я услышу их сейчас, то обосрюсь.

Они рассмеялись и пошли дальше: им предстояло забраться хотя бы в один корпус.

Первый, в который они сунулись, оказался заперт, а в разбитое кем-то окно никому лезть не захотелось, поэтому друзья решили попытать счастья в другом. На этот раз им повезло: покой следующего на их пути строения когда-то охранял навесной замок, но его сорвали, поэтому теперь дверь стояла приоткрытой.

– Похоже, никому нет дела до этого места, – заметил Кира, глядя туда, где раньше висели петли. Их вырвали, что называется, «с мясом». – Иначе бы уже что-то сделали.

– Да, всем плевать. Оно никому не нужно, но сравнять здесь все с землей – слишком дорого, наверное, – махнул рукой Ярик и потянул на себя массивную дверь.

Та зловеще скрипнула ржавыми петлями, вызвав у ребят приступ нервного смеха.

– Сюда наверняка регулярно лазят всякие задроты, – хмыкнул Ярик, освещая фонариком когда-то ярко-зеленые, а теперь потускневшие, облупившиеся и местами покрывшиеся грибком стены коридора, на пороге которого они оказались.

Тот убежал вперед темным мрачным тоннелем, углубляться в который не было ни малейшего желания. Состояние здания оказалось хуже, чем они ожидали увидеть, но лучше, чем могло бы быть: по крайней мере, пол тут был целым, стены стояли крепко и не было ощущения, что на тебя вот-вот обвалится потолок. Но было сыро и грязно. А еще воняло: в затхлом воздухе смешивались запахи мочи и гнили. Какие-то уроды уже успели написать на стенах несколько неприличных слов. Художники от слова «худо», как любила повторять мать Ярика – учительница русского языка и литературы.

– Типа Алекса? – насмешливо поинтересовался Кира, не торопясь идти по коридору.

Он опасливо посматривал на вереницы дверей, тянувшихся по обе стороны примерно на одинаковом расстоянии друг от друга. Одни были плотно закрыты, другие – приоткрыты, третьи стояли нараспашку.

Ярик тем временем обернулся к камере и недовольно поморщился: не подумал, как это прозвучало.

– Не, Алекс – пацан правильный, – тут же сдал он назад. – Я про тех, кто лезет сюда попить пива и поржать над страшными историями про мертвого пионера из второго отряда или сторожа-маньяка с топором, а потом оставляет после себя тонну мусора и... вот.

Он подсветил фонариком высокоинтеллектуальное сочетание из трех букв, написать которое почему-то считает своим долгом каждый, у кого в распоряжении имеется стена и баллончик с краской.

Кира только презрительно скривился. Было время, он и сам «портил» стены, как говорили взрослые, да только они с друзьями наносили на них многоцветные объемные рисунки, в которые превращали, например, название любимой группы. То было искусство, а это – убожество.

– Здесь другую страшилку рассказывают, – отозвался он, отворачиваясь от примитивной «наскальной живописи».

– Какую?

– А ты не знаешь историю «Радуги»?

– А у нее есть история? – удивился Ярик.

– Как у любого уважающего себя пионерлагеря, – фыркнул Кира. – О, блин, как же тут стремно...

Они все-таки сделали несколько шагов вперед и как раз заглянули в одно из приоткрытых помещений, которое когда-то служило комнатой для отдыхающих детей. Там еще стояли рассохшиеся остовы одноместных кроватей, сдвинутые к одной стене, на полу валялись разнокалиберные обломки, смятая банка из-под ядерного алкогольного коктейля, разодранные упаковки из-под чипсов, прочий мусор.

Одна вещица привлекла внимание Киры, он прошел в комнату и поднял с пола небольшого, размером с ладонь, голого пупса с оторванной рукой и выбитым глазом. Посветив на него фонариком, он продемонстрировал его камере.

– Местная страшилка – куклы, – торжественно объявил он.

– Куклы? – недоверчиво переспросил Ярик.

– Да, когда-то это был пионерлагерь для детей работников игрушечной фабрики. Его закрыли в конце восьмидесятых или начале девяностых. Кризис, все дела. Но ходит байка, что была серьезная причина, по которой его закрыли, только она старательно замалчивалась. Мол, в последнюю смену стали в лагере пропадать дети. Ложится мальчик спать, а утром его уже нет в комнате, а

вместо него в кровати лежит кукла. Потом пропала девочка. И еще несколько детей. И каждый раз утром в кровати вместо ребенка находили куклу. Детей потом тоже нашли в подвале одного из корпусов. – Кира сделал многозначительную паузу и весело закончил: – Выпотрошенными. Как будто кто-то решил посмотреть, что у них внутри. Считается, что куклы с фабрики хотели стать настоящими детьми и пытались таким образом занять их место.

Кира замолчал, продолжая крутить в свете фонарика искалеченного пупса, и не заметил, что Ярик смотрит на него шальным взглядом.

– Типа как этот... Пиноккио? – наконец хрипло уточнил тот.

– Ну да, только Пиноккио никому не выпускал кишки...

Кира поднял взгляд на друга и понял, что на того история произвела впечатление. Его это развеселило: он рассмеялся и кинул в Ярика пупса, а тот отскочил в сторону так, словно в него бросили гранату.

– Да ладно тебе, это же просто страшилка! Типа как про девочку с синим ногтем, из которой сделали пирожки с мясом, а ее мама купила те пирожки и, конечно, синий ноготь попался именно ей. Уверен, эта история существовала все годы работы лагеря, и дети рассказывали ее друг другу перед сном, а самые впечатлительные потом мочились в постель или не спали до утра, чтобы кукла не забрала их.

– Только больной маньяк может придумать такую страшилку, – проворчал Ярик, недовольный тем, что его удалось напугать. – Да заткнись ты уже!

Кира продолжал похихикивать, но после этого требования честно попытался унять смех, правда, у него ничего не вышло.

– Придурок, – процедил сквозь зубы Ярик, поворачиваясь и уходя из комнаты прочь.

– Да ладно тебе, это ж...

Кира хотел сказать «прикольно», но слово застряло у него в горле, когда он, вслед за Яриком, вошел в комнату напротив. Смех его тут же оборвался.

Здесь тоже стояли кровати, но их никто никуда не сдвигал, они остались на своих местах. На прогнивших матрасах тех двух, что находились ближе всех ко входу, лежало еще по кукле. Эти были чуть крупнее, одетые, но тоже слегка потрепанные – одна смотрела на них пустыми глазницами, у другой не хватало ноги.

– Блин, крипово, – прокомментировал Кира.

Ярик только молча кивнул и поспешно вышел из комнаты. Замер посреди коридора, отчаянно желая побыстрее вернуться к машине, но любопытство оказалось сильнее, и он толкнул еще одну дверь дальше по коридору, пробежал по обстановке лучом фонаря, на этот раз целенаправленно ища кукол.

Здесь их обнаружилось уже целых пять штук: они сидели рядом на подоконнике, целехонькие, но покрытые пылью, в грязных платьях.

– Многовато кукол, – озадаченно пробормотал у него над ухом Кира. – Может, тут девчачий корпус был?

– И чего? Девчонки побросали свои куклы, когда уезжали? – недоверчиво уточнил Ярик.

– Ну... Как вариант: сюда привозили кукол с фабрики, чтобы девочки могли в них играть, вот они тут и остались, – предположил Кира. – Потому что были ничьи, местные.

– Тогда понятно, откуда растут ноги у этой страшилки. Лан, может, пойдём отсюда? Вроде достаточно уже и увидели, и наснимали...

Но оказалось, что недостаточно. Они двинулись дальше по коридору, напряженно прислушиваясь к шороху собственных шагов и заглядывая в комнаты. Старых, грязных, изуродованных кукол хватало в каждой. Они валялись на полу, сидели на подоконниках или на кроватях, иногда лежали, по одной или компаниями. Ближе к концу коридора это стало восприниматься как

само собой разумеющееся, но на пороге последней, самой дальней комнаты, оба парня застыли, как вкопанные, лучи их фонариков сошлись в одном месте.

Эта комната оказалась практически пустой: никакого оставшегося со времен лагеря хлама, никакого занесенного горе-сталкерами мусора. Только обшарпанные стены, грязный пол, мутные стекла окон, которые пока никто не разбил, и старый облезлый стул у стены. А на стуле сидела огромная нарядная кукла, подозрительно похожая на маленькую девочку. В новом чистеньком платье.

Ярик и Кира переглянулись и настороженно подошли ближе. Кукла жизнерадостно улыбалась, тараша на них светло-карие глаза, и как будто тянулась к ним короткими ручками.

– Это что за хрень? – пробормотал Ярик, чуть наклоняясь, чтобы заглянуть кукле в лицо. Оно тоже было чистым, словно куклу посадили на стул только что.

– А тут, оказывается, бывают люди с чувством юмора, – напряженно заметил Кира.

Ярик зачем-то ткнул куклу пальцем в живот, как будто хотел проверить, что она действительно существует. Или что она из пластика.

– Привет! – бодро откликнулась кукла забавным мультяшным голосом.

Оба парня вздрогнули и отпрыгнули от стула, непроизвольно вскрикнув.

– Твою мать! – проорал Ярик, прежде чем разразиться нервным хохотом вместе с Кирой.

А кукла между тем продолжила:

– Как тебя зовут?

После небольшой паузы она добавила:

– А меня зовут Аня. Давай дружить!

– Охренеть просто, – процедил Кира, качая головой. – Она знает больше слов, чем моя последняя подружка.

– Кто только покупает детям такой треш? – в свою очередь возмутился Ярик. И тут же с подозрением покосился на Киру: – Это ты ее сюда приволок, признавайся?

– Чего? – возмутился тот.

– Приколоться надо мной решил? Вы это вместе придумали, да?

Он повернулся к камере и сделал характерный жест, каким обычно просят остановить съемку.

– Вот серьезно, это ни фига не смешно, – добавил Ярик, когда камера перестала снимать.

– Да ты больной, что ли? – все с тем же, весьма натуральным возмущением отозвался Кира. – Я тут первый раз, как и ты!

– Значит, это для нас приготовили... – решил Ярик.

Он хотел сказать что-то еще, но кукла перебила:

– А хочешь, я расскажу тебе сказку?

– А может, ты лучше заткнешься уже? – почти прорычал Кира.

– Как-то раз темным вечерком, – проигнорировала его предложение кукла, – два мальчика забрались в заброшенный детский лагерь. Они бродили по коридорам, по пустым комнатам, и в каждой комнате их встречали куклы.

Ярик и Кира снова напряженно переглянулись.

– Я его убью, – процедил Ярик, пользуясь паузой в «сказке», и оглянулся на дверной проем, но там никого, кого можно было бы убить, не оказалось.

Кукла вдруг продолжила изменившимся голосом: теперь он стал мужским, низким, грубым:

– А потом один из них выпустил другому кишки, потому что решил, что тот ненастоящий мальчик! Тут и сказочке конец, а кто дослушал, тот пока жив...

Кукла замолчала. Она сидела и равнодушно смотрела на побледневших парней, лишившихся дара речи.

А потом моргнула.

Глава 1

22 ноября 2016 года

г. Шелково, Московская область

Погода была неожиданно хорошей: ярко светило солнце, слепя глаза, и ставший уже привычным ноябрьский холод совсем не ощущался. И даже сидя без движения на длинной, подвешенной на цепях скамейке, которая слегка раскачивалась, как детские качели, Юля не испытывала дискомфорта. Она лишь щурилась, пытаясь смотреть против солнца на младшего брата, бесившегося с друзьями посреди небольшой площадки на набережной. Его рюкзак – весьма объемный и слишком тяжелый для такого маленького мальчика – лежал на скамейке рядом с Юлей. Куда подевали свои рюкзаки другие ребята, она не знала.

– Порой я завидую детям, их энергии, – неожиданно заметил Влад, сидевший рядом.

Юля покосилась на него, согласно улыбаясь. Ее сосед и по совместительству работодатель с некоторых пор повадился составлять ей компанию, когда она забирала брата из школы или выводила его на прогулку. Юля не возражала: с Владом ей было веселее.

Сейчас он сидел вполоборота к ней и отталкивался длинными ногами от земли, благодаря чему скамейка-качели и раскачивались взад-вперед. Его рука покоилась на спинке, и Юля чувствовала, как она слегка касается ее спины. Если бы не рюкзак Семки, Юля могла бы скользнуть чуть ближе к Владу и оказаться почти в его объятиях...

Она тряхнула головой, прогоняя эти неуместные мысли.

– Сложно поверить, что когда-то мы все были такими энергичными, – согласилась она, чтобы как-то поддержать беседу.

Влад смешно нахмурился и покачал головой.

– Нет, я не был! – уверенно заявил он. – Я родился сразу взрослым, уставшим и занудным.

Юля рассмеялась.

– Да ладно? Наверняка, вы были тем еще шалопаем! Просто ни секунды не сомневаюсь в этом.

– Не помню такого, – все с той же уверенностью заявил Влад, тоже посмеиваясь. Юле очень нравилось, как звучит его смех, но она редко его слышала. – И потом... Шалопаем? Серьезно? Из какого века это слово?

– Моя бабушка так говорит, – пожала плечами Юля. – И еще много кто. Можно подумать, вы никогда не слышали это слово раньше.

Влад повернулся к ней и неожиданно предложил:

– Юль, может быть, все-таки на «ты»? В конце концов, не настолько я тебя старше, чтобы все время мне выкать.

Она растерялась. В предложении не было ничего такого, но ее оно почему-то смутило.

– Но... тут же дело не в возрасте, – неуверенно возразила Юля. – Вы мой работодатель. Как-то неудобно мне к вам на «ты»...

– А что такого? – удивился Влад. – Даже в серьезных компаниях бывает принято обращаться на «ты» ко всем, в том числе к топ-менеджерам.

– Неужели? – усомнилась Юля, но опровергнуть его слова не могла: ее опыт работы пока был очень скромным. – Но Игорь тоже с вами на «вы».

– При чем здесь Игорь? – вздохнул Влад. – Он меня и по имени-отчеству называет, но ты же не стесняешься называть меня просто Владом.

Юля закусил губу, поскольку здесь ей парировать было нечем: как он в первый раз ей представился, так она его и называла.

– Мне было бы приятно, если бы ты мне не выкала, – добавил Влад с лукавой улыбкой.

Тут уж тем более спорить стало не о чем.

– Хорошо. Я постараюсь переучиться.

Влад удовлетворенно кивнул и снова отвернулся, добившись своего. Юля в который раз мысленно задалась вопросом, всегда ли ему это удастся или это только у нее никогда не получается ни в чем отказать.

Она тоже отвернулась, ища глазами куда-то ускользнувшего брата, но взгляд ее уперся в огромное уродливое здание, возвышающееся по другую сторону пешеходного моста. Это был высокий – этажей на двадцать – длинный дом, стоящий полукругом. Он состоял из двух частей, соединенных перемычкой, и напоминал букву «П». Некоторые называли его Порталом, но не столько из-за формы, сколько из-за пары историй с исчезновениями. Юля считала их просто городскими легендами, придуманными от скуки, но дом все равно навевал на нее ужас и рождал холодок между лопаток каждый раз, когда она принималась его разглядывать. Дело в том, что его так и не достроили, поэтому выглядел он довольно жутко. И над ним всегда кружили, громко каркая, стаи ворон.

Вот и сейчас над крышей вилась черная воронка, а Юля, всмотревшись в темные провалы пустых окон, невольно поежилась и судорожно втянула воздух.

- В чем дело? - поинтересовался Влад. - На что ты смотришь?

- Это Портал, - объяснила Юля.

- Тот самый? - удивился Влад. - Ты мне про него рассказывала как-то...

- Да, - кивнула Юля и снова покосилась на Влада, но на этот раз недовольно. - Вам бы он наверняка понравился.

Ее голос прозвучал ворчливо, поскольку увлечение Влада всякими страшными местами и не менее страшными легендами, с ними связанными, она не разделяла. Сосед только усмехнулся и поправил:

- Тебе.

Юля поняла не сразу, но потом тоже улыбнулась.

- Да, тебе бы он понравился.

- Тогда пойдем, посмотрим на него поближе?

Ей совершенно не хотелось смотреть на Портал поближе, но все получилось как-то само собой. Влад ведь всегда добивался своего. Вот и на этот раз Юля даже не поняла, как оказалась в недостроенном здании. Опомилась только тогда, когда осознала, что они с Владом идут по бесконечно длинному коридору, под ногами у них хрустит какой-то мусор, а солнце светит в мутные окна, и его лучи падают на угрюмые серые стены. Стекла здесь вставить не успели, но некоторые оконные проемы затянули плотной полиэтиленовой пленкой, которая местами успела порваться, что добавляло месту жути. Казалось, что кто-то разорвал пленку, в панике пытаясь выпрыгнуть в окно.

- Влад, - она схватила его за локоть, останавливая и останавливаясь сама, - давай уйдем отсюда. Мне здесь не нравится. И потом... Здесь нельзя находиться!

Он обернулся, перехватил ее руку, крутанул Юлю вокруг оси и неожиданно прижал к стене, от чего у нее перехватило дыхание. Чувствуя, как сердце испуганно бьется в груди, она подняла на него удивленный взгляд, безмолвно спрашивая, в чем дело. Влад только улыбнулся, глядя ей в глаза, коснулся кончиками пальцев щеки и слегка погладил, отчего у Юли по шее побежали мурашки. Она приоткрыла рот, чтобы все-таки озвучить свой вопрос, но не успела: Влад наклонился к ней, уверенно целуя. И она ответила ему с той же уверенностью и готовностью, словно на самом деле только этого и ждала.

Все мысли разом вылетели из головы, спина не ощущала холода стены, а весь мир сжался до одного только ощущения теплых губ на ее губах.

Из блаженного забытья Юлю вырвал внезапно раздавшийся рядом гул. Она вздрогнула, отстранилась от Влада и повернула голову на звук, не понимая, откуда тот взялся. Впереди, всего в нескольких шагах, оказались лифты, которые Юля почему-то не заметила раньше. И сейчас один из них поднимался: она видела, как сменяются номера этажей в окошке над дверью, но не могла разобрать цифры.

– Откуда здесь работающий лифт? – пробормотала Юля, силясь вспомнить, на каком они этаже и как сами сюда попали.

Почему-то приближающаяся по шахте кабина – а Юля не сомневалась, что едет она на их этаж, – вселяла в нее смутную тревогу, постепенно перерастающую в панический страх. Как будто в кабине приближалось нечто опасное для них обоих.

Влад продолжал невозмутимо обнимать ее, она чувствовала на щеке его горячее дыхание. Лифт, поднимающийся по шахте в обесточенном здании, его, казалось, не смущал. Но потом он вдруг шепнул Юле на ухо:

– Беги...

– Что? – переспросила она, удивленно поворачиваясь к нему.

И едва не заорала, увидев лицо Влада: вместо красивых серых глаз, только что смотревших на нее с такой теплотой, зияли пустые черные глазницы. Юля

дернулась, пытаясь высвободиться из его объятий, а Влад и не думал ее удерживать, его руки уже были заняты. Он замахнулся, сжимая в ладони огромный нож, и с силой ударил Юлю этим ножом.

Или только попытался ударить, потому что прежде, чем лезвие коснулось ее тела, она дернулась еще раз и наконец проснулась, тяжело дыша и тревожно озираясь по сторонам в темной комнате.

«Сон. Всего лишь сон», – подумала Юля со смесью облегчения и сожаления.

А мгновение спустя на телефоне сработал будильник.

?

Утренняя рутина закрутила Юлю, заставляя временно забыть о тревожном во всех смыслах сне. Мама торопилась и торопила Семку, а тот капризничал, заявляя, что не хочет кашу, а хочет бутерброд с шоколадно-ореховой пастой, хотя прекрасно знал, что такие лакомства – не для утра вторника. В конце концов они сторговались на каше и бутерброде с колбасой.

Сама Юля пока сонно пила утренний кофе с ржаным хлебцем. Она недавно решила, что надо бы все-таки похудеть к Новому году, поэтому купила себе всякой правильной еды в виде хлебцев и обезжиренных йогуртов, но последние утром с кофе совсем не лезли в горло. Она старалась не привлекать к себе внимание и прятала взгляд, чтобы мама не заметила странную аномалию, происходящую с Юлиным глазом.

Это началось чуть больше месяца назад. Сначала на обычно серой радужке правого глаза появились три тонкие коричневые прожилки. День тогда у Юли выдался непростой, к вечеру она валилась с ног от физической усталости и нервного перенапряжения, к тому же глаз не болел и не чесался, поэтому она просто махнула на него рукой, решив, что само пройдет. Не прошло. Наоборот, пару недель спустя Юля заметила, что аномалия не только не исчезла, но, наоборот, усугубилась: прожилки стали шире. Если так пойдет дальше, вскоре ее глаз будет напоминать знак радиационной опасности.

К счастью, у мамы было полно дел, беседы «глаза в глаза» у них никогда не были в привычке, поэтому пока удавалось странную проблему скрывать. Да и не ощущала Юля ее как проблему: глаз по-прежнему не причинял дискомфорта, в течение дня она сама умудрялась забыть о странном изменении, пока не оказывалась у зеркала или ей не напоминала Галка, с которой они с недавних пор общались чаще всего.

– Юль, после занятий сможешь съездить с дядей на бабушкину дачу? – неожиданно спросила мама.

Дремлющая над чашкой кофе Юля вздрогнула от неожиданности, но мысленно порадовалась тому, что мама облекла это в форму вопроса. Еще месяц назад ее слова прозвучали бы как распоряжение, но не так давно Юля набралась смелости и все же обратила мамино внимание на то, что она давно не ребенок, временем которого та может свободно распоряжаться. Она учится и работает, у нее могут быть свои планы и договоренности с друзьями, и она имеет на них право. Помогать она не отказывалась, но попросила согласовывать с ней ситуации, когда ее помощь будет нужна.

– А зачем туда ехать? – уточнила Юля, взглянув на маму только мельком.

– Дедушка приболел и не может вести машину, а бабушке нейдет забрать оттуда посуду, чтобы как следует перемыть ее в домашних условиях. Никита согласился съездить, но ты же его знаешь: половину возьмет того, чего не нужно, а чего нужно – не возьмет.

Юля понимающе кивнула. Дядю Никиту она искренне любила, но его неорганизованность хорошо знала.

– Думаю, да, смогу. У Влада я вчера прибралась и еды приготовила, так что до завтра я едва ли ему понадоблюсь. А что нужно забрать-то?

Мама на ходу перечислила требуемое, и Юля очень надеялась, что она сама ничего не забудет и не перепутает. Ведь с бабушки станется отправить их с дядей на дачу во второй раз.

В колледже воспоминания о странном – одновременно пугающем и смущающем – сне вернулись, поскольку учеба на бухгалтера никогда Юлю особенно не

увлекала, и во время занятий она часто мысленно переключалась на другие темы. Но большой ошибкой было рассказать о нем во время перерыва Галке. Та с присущей ей категоричностью моментально все «расшифровала»:

– Это же элементарно, Ватсон! Нож – классический фаллический символ. Ты хочешь своего соседа, но возможная близость с ним тебя пугает, поэтому подавленные мысли о ней перерождаются в кошмары.

– Ты совсем рехнулась? – возмутилась Юля, дрожа от холода и поплотнее заворачиваясь в теплый сиреневый палантин, который мама подарила ей на прошлый Новый год.

Они с Галкой стояли за углом здания колледжа, где традиционно курили учащиеся. Сама Юля к сигаретам была равнодушна, но Галка делала вид, что просто не доживет до конца занятий, если не сходит на перекур. Юля сомневалась, что это действительно так: она давно заметила, что подруга не столько курит, сколько просто стоит с тлеющей тонкой сигареткой в руках, а если уж и подносит фильтр к губам, то просто набирает дым в рот, не затягивается по-настоящему. Смысла в таком «театре» Юля видела еще меньше, чем в настоящем курении, потому что от него Галка получала только мерзкий запах от волос и пальцев. И перспективу заработать бронхит из-за пребывания на улице поздней осенью без верхней одежды, которую они сдавали в гардероб по утрам.

Зачем сама Юля мерзнет с подругой на улице, пока та делает вид, что курит, она и вовсе не знала.

– Хорошо, если я рехнулась, то как ты сама трактуешь эту странную эротическую фантазию? – усмехнулась Галка.

Юля вздохнула, мысленно ругая себя за то, что вообще подняла эту тему.

– Подозреваю, что с моим везением, сон просто к тому, что скоро Влад откопает еще какое-нибудь стремное убийство и начнет его расследовать, а мне придется опять ему помогать, – проворчала она.

– А может быть, тебя саму тянет к новой городской легенде? – лукаво предположила Галка.

– Вот это уж точно вряд ли! – заявила Юля, стараясь выглядеть уверенной.

И снова покривила душой. Две предыдущих истории, в которые она влипла вместе с Владом, – втянув в первую его, а во вторую втянувшись из-за него, – ее пугали до нервной икоты, повторяющихся кошмаров и истерики, но в глубине души завораживали. Юля не хотела себе в этом признаваться, на сознательном уровне повторяла себе снова и снова, что надо бы держаться подальше от подобных вещей, но пару дней назад поймала себя на мысли, что очень уж давно все как-то тихо. И оттого – немного скучно.

?

Дядя оповестил ее о том, что выезжает, когда Юля еще только выходила из колледжа. Идти ей было не больше десяти минут, а с учетом всех светофоров ехать дядя мог примерно столько же, поэтому она не торопилась. Обедать все равно собиралась йогуртом и хлебцами, а делать это можно и в машине по пути на дачу. Живот, правда, призывно урчал, и всю дорогу до дома Юлю бил озноб, невзирая на теплую куртку и обмотанный вокруг шеи теплый палантин, поэтому она решила добавить к обеду чашку горячего кофе, но сварить ее она определенно успеет. Прежде, чем выехать, дядя обязательно забудет сначала ключи от машины, потом – от дачи, потом – документы. Он мог ходить туда-сюда до пяти раз, пока полностью соберется и будет действительно готов выехать. И ей еще повезет, если отсутствие ключей от дачи не обнаружится по приезду на эту самую дачу.

Однако на подступах к подъезду Юлю неожиданно окликнул мужчина. Она с готовностью обернулась, в первый момент решив, что это дядя Никита, и удивившись, что не заметила его машину. Лишь обернувшись и увидев совсем другого, незнакомого мужчину, Юля спохватилась, что голос был совсем чужой, просто оклик по имени застал ее врасплох.

И все же что-то знакомое в чертах темноволосого мужчины Юля разглядела, а потому спустилась с тех двух ступенек, на которые успела вспорхнуть, и неуверенно шагнула к нему. Мужчина стоял рядом с громоздкой, дорогой и неприлично чистой для этого времени года машиной, уверенно смотрел на нее и безмятежно улыбался уголками губ, а значит, не обознался. На вид ему было около сорока или немного больше, от него веяло уверенностью, властью и

большими деньгами. Под расстегнутым коротким и слишком тонким для ноября пальто виднелся хороший деловой костюм. Юля видела такие в шкафу Влада, они заметно отличались от тех, что носили по случаю ее дедушка и дядя Никита.

– Здравствуйте, – осторожно поздоровалась Юля, замирая в нескольких шагах от мужчины и настороженно поглядывая на его автомобиль и сидящего за рулем водителя. – Простите, а мы знакомы?

– Пока нет, – спокойно отозвался мужчина. – Но я очень надеюсь на знакомство. Давай поговорим в машине.

Его слова не были вопросом или предложением, он уверенно открыл заднюю дверь, ожидая, что Юля залезет в салон первой, но та не двинулась с места. На самом деле, она едва удержалась от того, чтобы отступить назад.

– Извините, но мама с детства учила меня не садиться в машины к незнакомым людям.

– Разумно, – согласился мужчина, захлопывая дверь и делая шаг к Юле.

Та все-таки сделала шаг назад.

– Тогда давай познакомимся прямо здесь. Меня зовут Артем. Федоров Артем Сергеевич. Я старший брат Влада.

И он протянул ей широкую ладонь, как партнеру на деловых переговорах.

После недолгого растерянного колебания Юля все-таки приблизилась к нему и пожала протянутую руку, но тут же отдернула свою и убрала ее обратно в карман куртки. У нее, конечно, отлегло от сердца, когда мужчина представился, сразу стало понятно, почему его лицо кажется ей знакомым – оно просто было немного похоже на лицо Влада, но ситуация все равно казалась странной.

С чего старшему брату Влада, которого тот едва ли пару раз упомянул вскользь за все время их общения, приезжать из Москвы в Шелково и знакомиться с Юлей? В прошлом месяце она неожиданно познакомилась с младшей сестрой своего соседа, но та хотя бы приехала к нему, а с Юлей столкнулась в общем

коридоре случайно.

– Ты, наверное, гадаешь, каким ветром меня сюда занесло? – продолжая обезоруживающе улыбаться, предположил Артем. – Не поверишь: приехал специально познакомиться с тобой.

– Почему же? – вырвалось у Юли. – Раз вы сидите в машине у моего дома, поджидая меня, то определенно приехали именно ко мне. Просто непонятно, зачем я могла вам понадобиться.

– Мне о тебе рассказала Кристина, наша с Владом младшая сестра. Вы ведь знакомы?

Юля молча кивнула, все еще не понимая, к чему он клонит.

– С ее слов я понял, что вы с Владом не просто соседи. Ты помогаешь ему по хозяйству, и вы весьма... дружны.

– И что с того? – нахмурилась Юля.

Ей почему-то очень отчетливо представилось, как этот холеный бизнесмен, по словам Влада, близкий к попаданию в список Форбс, сейчас заявит, что она, голодранка эдакая, не имеет права дружить с его младшим братом. И втираться к нему в доверие, надеясь охмурить и добраться до семейных миллионов, тоже. А если попытается, то труп ее найдут в лесу соседней области. Или не найдут вообще.

Все эти непонятно откуда взявшиеся – не иначе как из какого-то кино – мысли промелькнули в голове Юли за мгновение, а потому настоящие слова Артема ее очень удивили, если не сказать – шокировали.

– Я буду честен с тобой: у меня в последние годы совсем нет контакта с братом. Мы никогда не были особо близки, слишком большая разница в возрасте, понимаешь? Но после той аварии... Он отдалился от нас с отцом. А отец у нас уже не так молод. У него на этой неделе день рождения. Шестьдесят пять лет, своего рода юбилей. Мы с сестрой хотим устроить для него большой семейный праздник. Родственники, ближайšie друзья. А Влад отказывается прийти. Он,

знаешь, стал очень замкнут с тех пор, как... Ну, ты понимаешь.

– Ослеп, – подсказала Юля, несколько удивленная тем, что Артему не дается это слово. Даже сам Влад к своему состоянию относился спокойнее. По крайней мере, внешне.

– Да, – подтвердил Артем, одновременно с облегчением и возросшей мрачностью. – Так вот, если бы ты смогла повлиять на его решение, мы были бы тебе очень благодарны.

Юля непонимающе моргнула, не торопясь отвечать, как будто ждала, что он сейчас рассмеется и скажет, что пошутил, но Артем смотрел на нее серьезно и выжидающе.

– Я? – растерянно переспросила Юля. – Но с чего вы взяли, что он послушает меня, если никому из вас не удалось его уговорить?

Артем пожал плечами, снова улыбаясь, нахмурившийся лоб разгладился.

– Насколько я понимаю, на данный момент вне семьи ты самый близкий ему человек. А все семейные ресурсы уже были мною задействованы. Поэтому ты моя последняя надежда. Я просто хочу, чтобы в свой юбилей отец видел нас всех.

Эти слова прозвучали очень искренне и задели какие-то важные струны в душе Юли, потому что она вдруг поняла, что костыми ляжет, но отправит Влада на этот семейный праздник.

– Хорошо, я попробую. Но я ничего не обещаю.

– И не нужно! Буду благодарен даже за попытку. И, кстати, если тебе удастся и будет настроение... В общем, ты тоже приглашена.

Последнее заявление прозвучало еще более неожиданно и безумно, чем предыдущие, но Юля устала удивляться, поэтому только кивнула.

– Хорошо.

– Прекрасно. Был очень рад с тобой познакомиться, – губы Артема растянулись в широкой улыбке. – Надеюсь, до встречи на юбилее моего отца.

Он махнул Юле рукой и торопливо забрался на заднее сиденье машины, двигатель которой моментально ожил. Юля едва успела отойти в сторону, как громадный черный монстр сорвался с места и выехал с парковки.

– М-да, неожиданно все как-то, – пробормотала она, все же направляясь к подъезду.

На этаже она остановилась, не торопясь открыть свою дверь и задумчиво глядя на дверь Влада. Подмывало позвонить в нее и сразу поговорить на тему юбилея, но что-то подсказывало ей, что разговор не будет ни быстрым, ни легким, а времени у нее сейчас было не так много. Поэтому Юля решила, что заглянет к Владу после поездки на дачу.

Глава 2

22 ноября 2016 года, 17:20

Черный БМВ остановился на маленькой парковке, свободного места на которой хватало как раз на одну машину, как будто здесь только их и ждали. Водитель выжидающе посмотрел в зеркало заднего вида на своего пассажира, но тот не торопился отстегивать ремень безопасности, хотя обычно прекрасно чувствовал, когда машина парковалась.

– Приехали, Владислав Сергеевич, – сообщил Игорь, но тоже не стал вылезать из салона, поскольку пассажир оставался неподвижен.

Влад только вздохнул, сжимая в руках сложенную трость. Ему ужасно не хотелось идти на назначенную встречу, он едва удерживал себя от приказа Игорю отвезти его обратно домой, но заставить себя пошевелиться пока не мог.

О сеансах с психотерапевтами у него остались не самые радужные воспоминания. Как и большинство людей, Влад терпеть не мог, когда кто-то пытался залезть к нему в голову, а заодно и в душу. Но сейчас у него не было другого выбора. Время шло, его становилось все меньше, а воспоминания о роковом дне никак не хотели возвращаться. Не считая мизерного продвижения в прошлом месяце, он практически ничего не достиг, лишь приобрел внутреннюю уверенность, что воспоминания эти гораздо важнее, чем он считал раньше. Жизненно важны.

В прямом смысле этого слова: Владу казалось, что странная попытка убить его в прошлом месяце связана с событиями трехлетней давности. Не зря же это произошло, когда он намекнул местной современной ведьме Аглае, что они могут быть знакомы. Влад не был уверен, но ему казалось, что именно ее он посадил в свою машину незадолго до того, как улететь в кювет. На разговор с Аглаей он притащил полицейского, которого та заметила и в ужасе сбежала. А чуть позже его бросили на кладбище на ночь глядя без верхней одежды – замерзнуть.

Через несколько дней он навестил Аглаю. Записался к ней на прием, гадая, как она отреагирует на его появление живым и здоровым. Заодно собирался зайти с другой стороны в расспросах о том дне, когда попал в аварию.

– Что вас интересует, Влад? Гадание? Приворот? Отворот? – спокойно поинтересовалась ведьма, усадив его на тот же диван, на котором они общались в первый раз.

Он не мог видеть ее лица, но голос прозвучал ровно, уверенно и спокойно. Дышала она тоже размеренно, ничем не выдавая возможное волнение. Влад даже усомнился в своих подозрениях. Может быть, нападение на него все-таки не связано с их разговором?

– Скажите, ваши карты могут видеть прошлое?

– Прошлое? – удивилась она. – А зачем? Прошлое и так каждому из нас известно.

– Увы, не каждому, – качнул головой Влад. – В моем прошлом есть черная дыра, которую я никак не могу заполнить. День автомобильной аварии. Я помню только, как ехал по трассе из одного города в другой и посадил в машину

женщину, голосовавшую у обочины. Это было утром. А мое следующее воспоминание: как пришел в себя в разбитой машине, и был уже глубокий вечер. Я три года пытаюсь вспомнить, что произошло между этими двумя событиями. Ваши карты могут мне помочь?

Конечно, Влад не верил, что карты способны рассказать такое. Но он надеялся, что Аглая сможет. Если в тот день на обочине голосовала именно она, а теперь по каким-то причинам не хочет или боится признаться в этом, она может воспользоваться ситуацией. Рассказать о тех событиях, делая вид, что читает их по картам.

Аглая какое-то время молчала и, как казалось Владу, даже не дышала. Но потом с сочувствием произнесла:

– Увы, я не умею гадать на прошлое так и не смогу вам помочь. Но я могу посмотреть, что ждет вас в будущем. Может быть, у вас есть какой-то конкретный вопрос к картам?

Влад кивнул, стараясь скрыть досаду. Что ж, не сработало. Но еще один вопрос – как раз касающийся будущего – его очень сильно тревожил, почему бы и не погадать на него?

Стуча каблуками, Аглая куда-то отошла, а потом вернулась, шурша картами.

– Какой вопрос? – деловым тоном поинтересовалась она.

– Я должен задать его вслух?

– Да.

– Хорошо. Что ждет меня семнадцатого марта?

– Хм, неожиданно, – заметила Аглая после внушительной паузы.

– Почему?

– Люди редко интересуются конкретными датами. Обычно спрашивают о каких-то событиях. Сделает ли любимый предложение? Стоит ли его принимать? Найдется ли хорошая работа? Стоит ли вкладываться в какой-то бизнес-проект? И тому подобное. А у вас – конкретный день. Он что-то значит для вас?

Влад непроизвольно стиснул зубы, вспомнив жуткий голос на кладбище, назвавший ему эту дату. Если верить в легенду, рассказанную Галкой, подругой Юли, то с ним говорил Ночной Смотритель кладбища – загадочный призрак, которого можно повстречать днем под чужой личиной и узнать у него дату своей смерти.

Он заставил себя улыбнуться.

– Кое-что значит, но я бы не хотел говорить, что именно.

– Что ж, хорошо, посмотрим.

Карты снова зашуршали, когда Аглая начала их раскладывать. Однако трактовать она не торопилась.

– Так что там? – не выдержал Влад.

– Я не хочу вас пугать, но карты показывают нависшую над вами угрозу, – настороженно произнесла Аглая. – Смертельную угрозу. Вам уже кто-то пророчил смерть в этот день? Поэтому вы спросили?

Влад непроизвольно вздрогнул, услышав этот вопрос.

– А что, вы видите смерть? – уклончиво ответил он вопросом на вопрос.

– Возможную.

– То есть я могу ее избежать?

– Да. Если сойдете с пути.

– Сойду с пути? В каком смысле?

– Сложно сказать. Карты показывают, что перед вами будет развилка. Вероятно, выбор. Возможно, вы будете делать что-то такое, что будет вести вас к гибели, но если вы перестанете... отступитесь, то сможете выжить.

Влад кивнул в знак понимания, хотя пока ему было мало что понятно. Он мог лишь предположить, что в районе семнадцатого марта он вновь окажется втянут в расследование какого-нибудь убийства. Возможно, чтобы выжить, ему надо будет просто отказаться от поиска ответов.

Осознав, что всерьез обдумывает предсказание на картах, Влад дал себе мысленный подзатыльник. Впрочем, за последнее время в его жизни произошло столько всего, что поверить в карточное гадание казалось не таким уж безумием.

Больше Аглая ничего не могла ему предложить, а других вопросов Влад задавать не стал. Уже когда он уходил, а хозяйка кабинета провожала его, у самой двери она неожиданно придержала его за локоть и придвинулась неприлично близко: Влад почувствовал, как ее тело коснулось его, а кожу лица обожгло дыхание.

– Знаете, я бы с удовольствием как-нибудь снова пообщалась с вами в более приятной обстановке. Только без полицейского за соседним столиком. Если я приглашу вас на кофе или ужин, вы сочтете это навязчивостью?

– Почему же? – хмыкнул Влад, не пытаясь отстраниться, хотя ее близость нервировала его. – Я ничего не имею против женщин, проявляющих инициативу.

– Значит ужин? – по ее голосу было слышно, что она улыбается.

– Почему бы нет?

Этот ужин состоялся через пару дней, и на нем Аглая призналась, что карты показали ей еще кое-что.

– Я увидела, что ты стоишь на пороге романтических отношений. Образа женщины рядом не было, возможно, это еще не predetermined, поэтому я решила, что надо бы попытаться успеть первой.

Влад улыбнулся, но никак не прокомментировал. Вступать в романтические – или хотя бы просто сексуальные – отношения с Аглаей в его планы не входило. Он и на ужин-то согласился только ради возможности немного сблизиться с ней и все-таки вывести на откровенный разговор. Теплилась в нем и надежда на работу ассоциативной памяти: голос, запах или случайно оброненная фраза могли разбудить еще какие-то воспоминания. Но увы, все было глухо и безнадежно.

Не то чтобы Аглая его совсем не привлекала. Ее голос звучал приятно, запах ему тоже нравился, а когда она приближалась, касалась или целовала на прощание, тело реагировало. Будь Влад зрячим, наверное, не стал бы отказываться от непродолжительного романа. Но слепота делала его уязвимым, а потому – осторожным. Ему удалось выстроить вокруг себя зону комфорта, в которой он существовал без особых сложностей, но остаться на ночь в доме чужой женщины, которой Влад не до конца доверял, определенно означало из этой зоны выйти. Впрочем, как и оставить ее на ночь у себя.

Они встретились еще несколько раз, но ни один так и не получил желаемое: после свидания Влад отвозил Аглаю домой и прощался в машине, отказываясь «зайти на кофе», и общение с ней никак не помогало его памяти.

Зато Аглая подала ему идею с гипнозом. Она упомянула его вскользь в разговоре о карме и прошлых жизнях, сказав, что однажды пыталась вспомнить свою с помощью регрессивного гипноза, а Влад ухватился за эту мысль.

Когда-то ему уже предлагали этот способ восстановления памяти, но тогда он отказался. Гипноз означал потерю контроля, а Влад нервничал, когда что-то выходило из-под его контроля. Но теперь... Теперь у него не осталось выбора.

– Владислав Сергеевич? – снова позвал Игорь. И в его тоне слышался произнесенный вопрос: «Ты идешь или мы едем домой?»

Влад нехотя отстегнул ремень безопасности, и Игорь проворно выскочил из машины, открыл перед ним дверцу, помог выйти и найти кабинет специалиста,

который находился на первом этаже новостройки, отданном под магазины и офисы.

В приемной – видимо, очень маленькой, потому что Игорь остановился, едва они вошли в открывшуюся дверь, – их поприветствовала какая-то женщина. Она не назвалась, лишь сказала, что Валентин Евгеньевич уже ждет Влада. Тогда Игорь проводил его в еще одну комнату. И там Владу предстояло остаться наедине с человеком, собиравшемся как следует покопаться в его мозгах. И это тоже выходило за рамки его зоны комфорта.

22 ноября 2016 года, 17:30

До того, как приехал дядя, Юля успела кофе не только сварить, но и выпить. Вместе с йогуртом и хлебцами. После чего, естественно, осталась голодной, но героически решила потерпеть.

На даче Юля снова начала мерзнуть: дом не был рассчитан на пребывание в последних числах ноября, да и отопление в нем никто не включал. Поэтому необходимую посуду она собирала как могла быстро, но руки все равно озябли почти до потери чувствительности.

Когда они с дядей загрузили все необходимое в машину, на улице уже полностью стемнело, и в пустынном дачном поселке, где не так уж много кто жил круглый год, стало очень неуютно: слишком тихо. Даже бродячие собаки не лаяли, вероятно, разбежались в поисках лучшей жизни. Юля была очень рада, когда наконец оказалась в запертом изнутри салоне старенького седана с включенной печкой.

Однако радость ее длилась недолго: примерно на середине шоссе, соединяющем Шелково и Пряниково, рядом с которым находился бабушкин дачный поселок, машина дяди начала издавать странные звуки, которые вынудили его съехать на обочину, чтобы заглянуть под капот. Там он ничего не разглядел, но заглушенный двигатель заводиться снова не захотел.

– Чего это он? – вслух спросил дядя, обращаясь неизвестно к кому.

– Может быть, дело в том, что твоя машина последний раз на техобслуживании была примерно... никогда? – хмуро предположила Юля, у которой настроение из-за голода и так было скверным. Перспектива застрять на шоссе на неопределенный срок ее не особенно радовала. – Ты хотя бы масло ей меняешь иногда?

– Да ну, – отмахнулся дядя, – все это просто способ отъема денег у населения. Сейчас разберемся в шесть секунд!

И он снова вылез из машины и открыл капот. Но ни через шесть секунд, ни через шесть минут, ни через шестнадцать проблема не была решена.

Юля устала сидеть и выбралась наружу, чтобы размяться и согреться: в умершей машине печка не работала, и первыми начали отчаянно мерзнуть ноги. Засунув наушники в уши, а руки в карманы куртки, она принялась бродить вдоль шоссе туда-обратно, мысленно ругая и нерадивого дядю, и не в меру активную бабушку. Далась ей эта посуда! Все равно ведь будет потом весной перемывать!

Любимая музыка в ушах немного примирила Юлю с действительностью, но с каждой минутой, проведенной на обочине, раздражение и отчаяние захлестывали ее все сильнее. Мимо на огромной – наверняка гораздо выше разрешенной – скорости проносились машины. Время от времени: движение тут было не очень напряженным. Юля старалась держаться подальше от края дороги, потому что освещения было мало, и водитель несущегося в темноте автомобиля в случае чего заметит ее только тогда, когда будет уже слишком поздно.

Когда ходьба перестала помогать согреться, Юля подумала про Владу. Захотелось позвонить ему и попросить забрать ее отсюда. Если он пришлет Игоря, тот сможет взять их на буксир и дотащить до Шелково. Будет повод потом зайти к самому Владу – поблагодарить. Он наверняка предложит выпить с ним чаю или кофе, а она заодно поговорит с ним про юбилей...

Эта мысль так понравилась ей, что она уже достала из кармана смартфон, разблокировала экран и нашла в списке контактов номер соседа, но в последний момент замерла и оглянулась на оставшуюся достаточно далеко позади машину дяди. Вероятно, стоило сначала согласовать с ним, но он может и заартачиться,

уверяя, что уже вот-вот все сделает, буквально через шесть секунд...

Задумавшись, как лучше поступить, Юля снова повернулась, глядя теперь в сторону родного городка, который был так близко, но оставался недостижим для человека без рабочего автотранспорта под рукой. Следующий фонарь стоял довольно далеко, поэтому перед ней метров на сто протянулась вязкая темнота, в которой сейчас что-то шевелилось.

Юля прищурилась, всматриваясь, но только когда рядом просвистела машина, на мгновение осветив пространство впереди своими фарами, она разглядела приближающегося к ней мужчину.

Кто это мог быть? Еще один такой же неудачник, как они, застрявший где-то впереди и теперь бредущий в поисках помощи? Вряд ли, логичнее остаться рядом с машиной и голосовать, прося помощи у проезжающих мимо. Может быть, кто-то просто идет на автобусную остановку, которую они проехали недавно, а она не заметила? Версия тоже показалась Юле маловероятной: какие могут быть остановки посреди поля?

Еще одна проехавшая с чуть меньшей скоростью машина снова осветила мужчину, и стало видно, что обе руки у него заняты. Сердце в груди испуганно екнуло, но Юля отказалась верить, что правильно разглядела предметы. Такого просто не могло быть!

Темнота не была кромешной, поэтому по мере приближения незнакомца его силуэт вырисовывался все четче, как и предметы, которые он нес. Юля отступила на шаг назад, когда поняла, что в одной руке у него действительно длинный нож, а в другой...

Она похолодела внутри и снаружи, ноги от страха парализовало, и они как будто вросли в землю, из-за чего Юля больше не могла сделать и шагу. Сердце отчаянно заколотилось в панике, мысли судорожно заметались, когда стало окончательно понятно, что в другой руке мужчина несет, держа за короткие волосы, маленькую голову. Голову ребенка!

«Чего ты стоишь, дура? – рявкнул на Юлю внутренний голос. – Беги!»

На мгновение перед глазами вновь промелькнул образ из сна: Влад с темными провалами на месте глаз и ножом в руке. В ушах прозвучал и его тихий шепот, повторяющий тот же призыв: «Беги!»

И Юля побежала к машине, то и дело оглядываясь через плечо на мужчину, но тот не прибавил скорости, двигался все так же размеренно.

– Дядя, в машину! Быстро в машину! – истерично заорала Юля, еще не добежав.

Дядя Никита высунулся из-под капота и удивленно посмотрел на нее. Его широкое лицо успело в чем-то измазаться, руки, наверняка, тоже были грязными.

– Ты чего? – спросил он, не двигаясь с места.

– В машину, быстро в машину! – повторила Юля в панике, забыв все прочие слова.

Она уже добралась до своей двери и резко рванула ее на себя, еще раз повернувшись к приближающемуся мужчине. Отсюда – из-под фонаря, под которым припарковался дядя Никита, – видно его было плохо, но Юля не сомневалась, что он все еще идет к ним.

– Юль, ты чего? – все так же растерянно повторил дядя, глядя на нее с недоумением.

Он даже шагу не сделал к двери! И, конечно, не видел того, кто приближался. Юля в отчаянии постучала рукой по корпусу обездвиженного автомобиля, давая выход раздражению, и крикнула снова:

– В машину, черт побери! Просто залезай!

И она сама юркнула внутрь, зло думая, что, если дядя не пошевелится, просто заблокируется внутри одна.

Но дядя, вероятно напуганный ее истерикой, тоже забрался в салон.

- Юль, что случилось! Чего ты истеришь-то? Объясни! - раздраженно рыкнул он.

- Двери! Двери! Двери! - запричитала Юля, требуя заблокировать замки.

Когда это было сделано, она вжалась в сиденье, непроизвольно опускаясь ниже, как будто надеялась, что так маньяк их не заметит.

В машине повисла напряженная тишина, в которой отчетливо слышалось Юлино тяжелое дыхание. Дядя смотрел на нее, как на душевнобольную, время от времени переводя взгляд на лобовое стекло, в которое сама Юля смотрела, не отрываясь. Но так и оставшийся поднятым капот закрывал весь обзор, поэтому было непонятно, где сейчас находится шедший навстречу мужчина.

- Если ты сейчас не объяснишь, какая муха тебя укусила, я выйду, - пригрозил дядя и даже взялся за ручку дверцы, но Юля с такой силой вцепилась в его предплечье, что он замер.

- Там... кто-то есть, - выдавила Юля с трудом.

- В каком смысле?

- Мужчина. С ножом. И детской го... головой.

Дядя несколько раз растерянно моргнул, глядя на нее и не зная, что сказать. Потом снова повернулся к лобовому стеклу, сделал движение, словно пытался выглянуть из-за капота, но ему это, конечно, не удалось.

- Да нет там никого! - все-таки раздраженно возразил он, явно собираясь все-таки разблокировать двери.

- Нет! - крикнула Юля в панике, пытаясь перехватить и вторую его руку.

- Да перестань...

Юля испуганно взвизгнула, перебивая. Она резко повернулась, одновременно пытаясь отодвинуться от своей дверцы, когда услышала глухой удар в окно. И увидела того самого мужчину с ножом и головой в руках, прильнувшего к

стеклу.

Это оказался совсем молодой парень. Его руки, одежда, нож и лицо были перепачканы в крови. Детская голова при ближайшем рассмотрении оказалась головой... куклы.

Парень посмотрел на Юлю шальным, мутным взглядом и хрипло позвал:

- Помогите...

После чего рухнул на землю.

22 ноября 2016 года, 18:05

Сидя в мягком удобном кресле в кабинете психотерапевта, Влад поймал себя на мысли, что даже на жестком стуле в полиции напротив капитана Соболева, задержавшего его – ни много ни мало – по подозрению в убийстве, чувствовал себя куда комфортнее.

Валентин Евгеньевич встретил его радушно. Даже слишком, по мнению Влада, которому позитивный тон показался наигранным. Порой так врачи обращаются к пациентам-детям, нарочито широко улыбаясь и обещая, что больно не будет.

Улыбался ли Валентин Евгеньевич, Влад доподлинно не знал, но по голосу казалось, что улыбается. Влад по привычке протянул вперед руку, предлагая рукопожатие, и психотерапевт радостно обхватил ее двумя пухлыми и слегка влажными ладонями. Он говорил негромко, но быстро, его слова перемежались одышкой, из чего Влад сделал вывод, что Валентин Евгеньевич страдает серьезным лишним весом.

Усадив его в кресло, психотерапевт, очевидно, уселся напротив и принялся задавать вопросы, собирая обычный анамнез, с которого начинал каждый врач. Он узнал дату рождения, уточнил рост и вес (хотя какое они могли иметь отношение к амнезии?), поинтересовался наличием хронических заболеваний и историей жалоб по части душевного здоровья, после чего наконец спросил, с чем Влад пришел сейчас.

Влад рассказал ему про аварию, про то, что лежал в коме, был временно парализован после пробуждения, но потом полностью восстановился. Только зрение не вернулось. Пришлось рассказать и о депрессии, последовавшей за известием о том, что оно уже и не вернется. Лишь о суицидальных мыслях Влад умолчал: в таком он мог признаться Юле, но не кому-то еще.

Валентин Евгеньевич «угукал», иногда проговаривал: «Понятно» или «Ясно», как будто опасаясь, что «угуканья» недостаточно, что-то записывал, судя по паузам между вопросами и тихому шелесту шариковой ручки по бумаге. Потом он поинтересовался:

– Вы считаете, что в той аварии есть ваша вина?

Влад скрипнул зубами, но пояснил все же довольно спокойным тоном:

– Я считаю, что в тот день случилось что-то, чего я не помню. И я хочу вспомнить. Кое-что уже вернулось: я вспомнил, как посадил в машину женщину, голосовавшую на обочине, но дальше – пустота.

– Ясно. Вы раньше пробовали прибегать к гипнозу для восстановления воспоминаний?

– Нет.

– Угу. Не знали, что такая возможность есть, или опасались чего-то? Какие чувства у вас вызывает предстоящий сеанс гипноза?

Влад с трудом подавил тяжелый вздох.

– Послушайте, Валентин Евгеньевич, я пришел сюда не для того, чтобы говорить о своих чувствах. Я хочу, чтобы вы меня загипнотизировали и вернули в тот день, когда произошла авария. Заставьте меня вспомнить. И да, я хочу, чтобы все происходящее записывалось на диктофон. На мой диктофон.

С этими словами он достал из кармана смартфон, намереваясь включить соответствующее приложение.

– Владислав Сергеевич, – все тем же мягким тоном произнес психотерапевт, – вам нужно понять: ваши эмоции важны для успеха сеанса. Чтобы погрузиться в транс, вы должны мне доверять и действительно этого хотеть, иначе ваш мозг будет сопротивляться. Снять ваши внутренние блоки, если они есть, крайне необходимо. Как необходимо подготовить вас к тому, что вы можете вспомнить. Потому что если ваша амнезия вызвана не травмой мозга, а защитной реакцией психики, то, грубо ломая эту защиту, мы только сделаем вам хуже. Понимаете? Учитывая, что у вас уже была серьезная депрессия, надо быть осторожнее.

– Я все прекрасно понимаю, – заверил Влад. – И можете не сомневаться: сейчас я мало чего так хочу, как вспомнить. Это желание должно перевесить все мои страхи. И что бы ни случилось в тот день, поверьте, я давно готов это узнать.

– Ну что ж, – вздохнул Валентин Евгеньевич, – воля ваша. Давайте сразу перейдем к делу. Включайте свой диктофон, а я запущу метроном, поскольку в вашем случае возможно только такое погружение.

Влад кивнул, неторопливо потыкал пальцем в экран смартфона, который озвучивал механическим голосом его действия.

– Только у меня будет еще одна просьба, – неожиданно заявил Влад, жалея, что не подумал об этом раньше. – Можете дать мне лист бумаги и карандаш? И нужно что-то подложить под бумагу, чтобы я мог рисовать.

В кабинете повисла тишина, поскольку метроном еще не был запущен, а ответ на странную просьбу Валентин Евгеньевич явно не мог подобрать.

– А зачем? – наконец спросил он с любопытством.

– Есть вероятность, что я могу что-то нарисовать, – уклончиво ответил Влад.

К счастью, Валентин Евгеньевич не стал выпрашивать дальше, а дал Владу то, о чем он просил, после чего все-таки запустил метроном.

Под размеренные ритмичные удары, к которым Владу велели прислушиваться с закрытыми глазами, он постепенно погрузился в необычное состояние полусна. Голос психотерапевта звучал в его ушах, но Влад больше не ощущал себя

сидящим в кресле в кабинете врача. Он сидел за рулем автомобиля, через лобовое стекло видел летящее навстречу полотно асфальта и даже чувствовал характерный запах, какой бывает в салоне.

Валентин Евгеньевич осторожно направлял его в этом путешествии в прошлое наводящими вопросами:

- О чем вы говорите со своей пассажиркой?

- Спрашиваю, как она оказалась посреди шоссе одна в столь ранний час. Она говорит, что ее высадил другой водитель, взявшийся ее подвезти. Говорит, он делал неприятные намеки по поводу оплаты за проезд, и она попросила высадить ее.

- Что происходит дальше? Вы продолжаете ехать по шоссе?

Картинка перед глазами Влада расплылась, как искажается изображение на экране телевизора при плохом сигнале, потом снова стала четкой, и он покачал головой.

- Нет, я сворачиваю с шоссе на проселочную дорогу.

- Зачем? Разве вам не нужно ехать прямо?

- Она попросила. Ей не нужно в тот город, в который еду я. Придется сделать небольшой крюк.

- Куда вы свернули? Там был какой-нибудь указатель или ориентир?

- Был указатель.

- Что было на нем написано?

- Я не обратил внимания.

- Вернитесь назад и прочитайте надпись на указателе.

Влад честно попытался это сделать, но картинка перед глазами снова померкла, вместо нее появилась другая, моментально исчезла, на смену ей пришла третья. Потом четвертая, пятая... Образы мелькали так быстро, что он не успевал их рассмотреть. Сердце панически зачастило, а голова разболелась так, словно ее проткнули огромным раскаленным ломом.

– Влад, успокойтесь! – властно велел голос Валентина Евгеньевича, но это не помогло. – Дышите ровнее, вы в безопасности и полностью контролируете ситуацию.

Но ему так не казалось. Проселочная дорога и лес исчезли, как и машина, и таинственная пассажирка. Дневной свет померк, Влад погрузился в темноту замкнутого помещения, его уши наполнил чей-то крик, руки перепачкались в еще теплой крови, а грудь сдавило в стальных тисках так, что он больше не мог сделать ни одного вдоха.

– Влад, – услышал он голос Валентина Евгеньевича, – проснитесь!

За этим приказом последовал звонкий щелчок пальцев, и все моментально пропало: и крики, и кровь, и тусклый свет фонаря, в котором он видел стену неизвестного ему помещения. Влада окутала непроницаемая темнота, которая еще никогда не казалась ему такой уютной и успокаивающей. В легкие вновь ворвался воздух, и несколько глубоких вдохов помогли головной боли уняться.

– Что произошло? – спросил Влад, приводя дыхание в норму. – Все ведь было нормально...

– Это то, о чем я вас предупреждал, – вздохнул Валентин Евгеньевич. – Причина вашей амнезии не в травме головы. Вы не помните, потому что помнить для вас слишком тяжело. Ваш мозг защищает вас от какой-то травмы. Что бы с вами ни произошло в тот день, вы не готовы это узнать.

Влад раздраженно фыркнул и потер лоб рукой. Затылок еще ломило, но боль продолжала уходить.

– Вы что-нибудь запомнили из того, что не успели рассказать?

Влад пожал плечами.

– Какие-то бессмысленные обрывки. Крики, кровь, какое-то темное помещение... Не знаю, может быть, это вообще не из того дня.

– Тогда давайте посмотрим, что вы нарисовали.

Валентин Евгеньевич с трудом поднялся из кресла – то жалобно скрипнуло, а он сам едва слышно закричал, – и подошел к Владу. Тот с готовностью протянул ему лист бумаги, лежавший на плотной папке под рукой.

– О, господи... – ахнул Валентин Евгеньевич. – Что это за кошмар?

– А что вы видите?

– Тут... кровь... и труп... и... ребенок. Боже мой...

Психотерапевт продолжал растерянно причитать, поэтому Влад решил не тратить время на выпытывание у него подробностей. Вместо этого он тоже встал и вызвал из памяти смартфона номер Юли, параллельно пытаясь убедить врача отдать ему рисунок обратно.

– Алло? – раздался в трубке голос юной соседки. Он прозвучал как-то странно, немного настороженно, но Влад не придал этому значения.

– Юль? Ты сможешь зайти ко мне минут через двадцать? Ты дома?

– Нет, я... Влад, извините, я не смогу. Я в полиции.

Влад замер, забывая и о рисунке, и о психотерапевте.

– Ты... где? – не поверил он.

22 ноября 2016 года, 19:00

– Мы стали с тобой подозрительно часто встречаться, – задумчиво протянул капитан Соболев, глядя на Юлю Ткачеву.

Та сидела на стуле перед его рабочим столом, ссутулившись и обхватив себя руками, словно мерзла. Хотя в небольшом кабинете, где обитал не только сам Соболев, но и его коллега – Петр Григорьевич, было довольно тепло, а девушка не стала снимать куртку, в отличие от своего рослого дяди. Он расположился на соседнем стуле с верхней одеждой в обнимку, но лицо его все равно было свекольно-красным: то ли он все равно страдал от жары, то ли выглядел так всегда.

– Честное слово, я не специально, – тихо ответила Юля. Она явно чувствовала себя очень некомфортно.

– А вы что, знакомы? – удивился ее дядя.

– Андрей Владимирович расследовал убийство Иры в сентябре.

Соболев хмыкнул, когда на этом девушка замолчала, но и сам рассказывать про их общение в прошлом месяце по поводу уже совсем других убийств тоже не стал. Вместо этого поинтересовался:

– Так что там произошло? Откуда этот парень появился?

– Не знаю. Когда я его увидела, он просто шел вдоль дороги. Откуда и куда, понятия не имею.

Соболев уже открыл рот, чтобы задать следующий вопрос, но был прерван сигналом входящего вызова на ее смартфоне. Юля торопливо достала его из кармана куртки и неуверенно посмотрела сначала на экран, а потом на Соболева.

– Это снова Влад, – сообщила она тоном, подразумевавшим вопрос: «Можно мне ответить?»

Когда тот звонил в прошлый раз, Соболев велел Юле повесить трубку и ни с кем не обсуждать произошедшее, пока он не запишет ее показания. Но Влад, конечно, на одном быстро прерванном разговоре не успокоился.

- Подождет твой дружок, – отмахнулся Соболев. – Мы еще не закончили. Эти предметы, которые мы нашли рядом с парнем, – нож и кукольная голова, – были у него в руках?

Юля, уже сбросившая вызов, кивнула и уточнила:

- Нож в левой, голова – в правой.

- Уверена, что именно так? В его левой или в левой относительно тебя, то есть в правой?

Она в ответ посмотрела на него оскорбленно и укоризненно, мол, разве я похожа на дуру? На дуру Юля Ткачева совсем не походила, а значит, вряд ли ошиблась. Соболев сделал себе пометку уточнить, левша ли парень, который ждал своей очереди в допросной комнате.

Дальнейший разговор вновь прервал звонок: на этот раз ожил смартфон самого Соболева. И кто бы сомневался, что звонил ему тот же абонент. На этот раз Соболев решил, что все-таки стоит ответить.

- Привет, Влад, как жизнь? – нарочито бодро и беззаботно поинтересовался он. – Чего вдруг вспомнил обо мне?

Петр Григорьевич за соседним столом отвлекся от набирания текста какого-то документа и многозначительно посмотрел на коллегу. Мол, ты с этим парнем поаккуратнее. Соболев снова махнул рукой, давая понять, что контролирует ситуацию. Петр Григорьевич хмыкнул и продолжил неторопливо стучать по клавиатуре своего не слишком нового компьютера двумя указательными пальцами.

- Она у тебя? – тем временем мрачно поинтересовался голос в трубке Соболева.

- Ты о ком?

- Не изображай дурачка, тебе не идет. Юля у тебя?

- Слушай, а я тебе уже объяснял про возможные последствия оскорблений в адрес представителя власти, находящегося при исполнении?

На этот раз трубка промолчала, но даже в этом гробовом молчании Соболев расслышал насмешливый и наглый вопрос: «Ты правда хочешь попробовать привлечь меня за такое?» И тут, конечно, Влад был удручающе прав: подобные страшилки не для таких, как он.

- Да, твоя подружка у меня, - вздохнул Соболев.

- Она не подружка, а ассистент.

- А когда я назвал тебя ее дружкой, она не возражала, - насмешливо заметил Соболев и покосился на смутившуюся Юлю. - Вы уж там как-нибудь согласуйте или показания, или характер своих отношений.

В трубке послышался резкий выдох, заставивший Соболева улыбнуться. Так-то, господин Федоров, не один ты умеешь бесить людей.

- Меня не пускают на проходной, можешь с этим что-нибудь сделать?

- И правильно делают, что не пускают! Тут у нас отделение полиции, а не проходной двор. Если ты не адвокат...

- А если я свидетель?

- Ты? Что-то видел?

- Ха-ха, очень смешно, - едко отозвался Влад, впрочем, без особой обиды. - У меня для тебя есть кое-какая информация. Возможно, это важно.

- Вот и подожди с этой возможно важной информацией на проходной. Мы скоро выйдем.

И Соболев сбросил звонок прежде, чем Влад успел еще что-нибудь сказать, а потом с тоской посмотрел на смартфон.

- Вы же понимаете, что он все равно пройдет, - заметила Юля. - Ему просто понадобится чуть больше времени.

- Да знаю я, - вздохнул Соболев. - Этот без мыла везде пролезет. Ладно, Никита Викторович, вы подтверждаете слова племянницы?

- Угу, - кивнул Юлин дядя. - И нож у парня был в левой, это точно.

- Тогда подпишите и оба свободны. Мы с вами свяжемся, если появятся новые вопросы.

Соболев протянул им протокол, который они по очереди подписали, и поднялся из-за стола.

- Идемте, провожу вас до проходной.

Когда они добрались до турникета, Влад все еще оставался по другую его сторону, о чем-то оживленно беседуя с дежурным. Тот выглядел немного растерянным, видимо, не очень хорошо понимал, как вести себя со слепым собеседником, который даже в полиции держится так, словно он тут главный. Рядом с Владом топтался какой-то толстый мужик с пухлыми губами, поглядывая то на него, то на дежурного. В руках он держал слегка потертый кожаный портфель, какие Соболев чаще видел в старых советских фильмах, чем в жизни, и выглядел так, словно крайне заинтересован в исходе переговоров с дежурным, из чего Соболев сделал вывод, что мужик тут вместе с Владом.

- Ну что там у тебя такого важного и срочного? - без дополнительных приветствий и расшаркиваний поинтересовался он, пропуская через турникет сначала Юлю и ее дядю, а потом проходя сам.

Дежурный моментально был забыт, Влад повернулся и первым делом поинтересовался:

- Где Юля?

– Я здесь! – тут же сообщила та, подходя к нему и касаясь руки. – Все в порядке. Мы просто свидетели.

– Мы? Только не говори, что Галка с тобой.

– Нет, я была с дядей. Он тоже здесь. – Юля обернулась к хмуро поглядывающему на них старшему родственнику и попыталась изобразить улыбку. – Дядя Никит, знакомься, это наш сосед – Влад. Я тебе про него рассказывала.

– Привет, – буркнул дядя. И тут же добавил, не дожидаясь ответного приветствия: – Юль, пошли, а? Мне еще с машиной надо разобраться. Сюда-то ее дотащили, но я ж не могу ее тут бросить.

– Я буду вам нужна? – поинтересовалась Юля у Влада, как показалось Соболеву, с надеждой. Только он так и не понял, на какой ответ она надеялась.

По крайней мере, Соболев не заметил, чтобы девушка расстроилась, когда выяснилось, что ее помощь Владу будет нужна. Впрочем, особой радости она тоже не продемонстрировала, но заверила дядю, что тот может идти и, если машина все же заведется, ее не ждать.

– Меня Влад подвезет, а бабушка посуду ждет.

Последнее заявление Соболев не очень понял (для него эти слова прозвучали как какой-то странный шифр), но порадовался тому, что хотя бы один участник покинул помещение: народу в скромных размерах холле и так скопилось слишком много.

– Так чего тебя нелегкая принесла? – напомнил он, что все еще ждет ответа на свой вопрос, когда дверь за Юлиным дядей закрылась. – И кто это с тобой?

Его взгляд снова вернулся к толстяку, продолжавшему топтаться рядом.

– Валентин Евгеньевич Шмелев, – тут же представился тот с легким поклоном. – Я...

– Валентин Евгеньевич, просто покажите ему рисунок, – нетерпеливо перебил Влад, немного удивив Соболева: раньше тот подобного нервного поведения за ним не замечал.

– Опять рисунок? – испуганно уточнила Юля, и Соболев обратил внимание, что она так и держит Влада за руку, а тот уверенно сжимает ее ладонь в ответ. Ни одного из них это не смущало, и Соболев едва заметно улыбнулся. Ассистентка, значит? Ну-ну.

– Да, я потому тебе и звонил. Хотел, чтобы ты взглянула и описала.

Валентин Евгеньевич как раз вытащил из портфеля лист бумаги и теперь протягивал его в неопределенном направлении, точно не зная, кому его следует отдать. Юля хотела взять его, но Соболев успел первым.

– Так, посмотрим... Твою ж мать! Ну и фантазии у тебя...

На белом, чуть помявшемся при перевозке листе жесткими штрихами был изображен мужчина со вспоротым животом. Он лежал, раскинувшись «звездочкой», в луже крови, а рядом с ним сидел...

– Фантазии тут ни при чем, господин Федоров нарисовал это, находясь в состоянии регрессивного гипноза, – сообщил Шмелев торопливо, сбивая Соболева с мысли. – Мне кажется, это может быть частью подавленного воспоминания, но сам господин Федоров почему-то уверен, что это какое-то актуальное преступление, поэтому и попросил меня приехать с ним.

– Чтобы Валентин Евгеньевич подтвердил, что я рисовал это при нем, – добавил Влад. – И мы в этот раз не тратили время на бессмысленные подозрения в мой адрес. Это либо уже случилось, либо скоро случится. Вы находили похожий труп?

– Понимаю, все это звучит немного странно, – Шмелев снисходительно улыбнулся, посмотрев на Влада с едва заметным сочувствием, – но поскольку рядом с трупом изображен ребенок, я решил, что лучше перестраховаться.

– Это не ребенок, – тихо заметила Юля, неизвестно когда успевшая отойти от Влада, подкрасться к Соболеву и заглянуть в рисунок через его плечо. – Это кукла.

– Кукла? – с сомнением переспросил Соболев, вглядываясь в штрихи. – Опять кукла?

– Почему опять? – тут же среагировал Влад.

– Мы сегодня на шоссе встретили парня. Он был весь в крови, а в руках держал нож и голову куклы, – быстро объяснила Юля. – Поэтому мы с дядей и оказались в полиции.

Соболев недовольно покосился на нее, но ничего не сказал.

– Что за парень? – тут же заинтересовался Влад.

Кто бы сомневался, что заинтересуется! И мужик этот, Шмелев, тоже стоит, уши наострил, глазами зыркает. Не очень хорошо распространяться тут о деталях при всех... Но пока никакого серьезного дела не заведено, просто проводится проверка. Парень хоть и в крови, но труп со вспоротым животом никто не находил. Как говорится, нет тела – нет дела, а Шелково – городок маленький, все равно завтра все будут знать про этот случай в подробностях. Большинство из которых окажется придуманными.

– Мы пока не установили наверняка, – вздохнул Соболев. – Парень молчит. Ему пришлось вызывать «скорую», они привели его в чувство, но он то ли в шоке, то ли симулирует. Пока ни слова от него не добились. Утром нам подали заявление об исчезновении двух ребят... Этот похож на одного из них – Кирилла Пронина, но пока официально родственники его не опознали, мы еще с ними не связывались, а документов при нем не было.

Он замолчал, снова посмотрел на рисунок и тихо выругался.

– Надеюсь, это не второй парень... На твоём рисунке...

– Нельзя исключать такую вероятность, – заметил Влад.

– Тогда пора бы уже поговорить с парнем и заставить его отвечать. Этим и займись.

Влад улыбнулся и слегка склонил голову набок.

– Нет, – отрезал Соболев, заметив это движение.

Влад приподнял брови, отчего его лицо стало выглядеть не то удивленным, не то обиженным. Не то все сразу.

– Нет, даже не думай об этом! Ты не можешь присутствовать при допросе.

– Я его только послушаю из соседней комнаты. Как в прошлый раз.

– Нет, я сказал. В прошлый раз ты хотя бы был реальным свидетелем, теперь ты вообще ни при чем!

– А как же рисунок? – возмутился Влад. – Это же аргумент при разговоре с парнем, разве нет?

– Рисунок – такой себе аргумент... Вот была бы это фотография или свидетельство очевидца, тогда другое дело. А нарисовать можно все, что угодно.

– Сказать можно тоже все, что угодно, – заметила Юля неожиданно дерзко. – Это я про свидетельство очевидца.

Соболев снова недовольно покосился на нее, но промолчал, поскольку в общем-то она была права.

Влад немного помолчал, но потом неожиданно кивнул, словно смирился с решением Соболева. Уже совсем другим тоном – спокойным и деловым – он заметил:

– Валентин Евгеньевич психотерапевт, возможно, он сможет тебе помочь. Во всяком случае, может понаблюдать за допросом и сказать, действительно парень не в себе или прикидывается.

Соболев повернулся к Шмелеву, смерив его недоверчивым взглядом.

- Вы правда психотерапевт?

- Да, могу вам скинуть сканы моих документов, - с готовностью заверил тот. - И я с удовольствием помогу полиции.

- С удовольствием? - хмыкнул Соболев. - Может быть, еще и безвозмездно, то есть - даром?

- Должен признаться, меня уже интригует эта история, - заявил Шмелев. - Поэтому я готов потратить на нее немного своего времени на общественных началах.

- Ладно, принято, вы идете со мной, - согласился Соболев и повернулся к Владу: - А вы с подружкой идете домой. Я ясно выражаюсь?

- Яснее некуда, - непривычно покорно улыбнулся Влад.

- И рисунок я себе оставляю.

- Не вопрос, дарю.

Соболев снова недоверчиво сощурился, посмотрел на Шмелева, потом на Юлю, вернулся взглядом к Владу. Внезапная сговорчивость последнего ему не нравилась. Вероятно, он ожидает потом выпытать подробности разговора с парнем у психотерапевта, поэтому Соболев решил, что заставит того подписать обязательство о неразглашении.

Убедившись, что подвоха быть не может и он все предусмотрел, Соболев пропустил Шмелева через турникет и прошел сам. В последний момент он не удержался от торжествующего взгляда в сторону Юли. Тот как бы говорил: «Вот видишь, он не прошел!»

Юля только улыбнулась в ответ.

?

Когда капитан Соболев и психотерапевт, имени которого Юля не запомнила, скрылись за поворотом коридора и шорох их шагов стал звучать тише, Влад нетерпеливо заявил:

– Идем отсюда, делать здесь больше нечего.

И он выставил локоть, предлагая Юле проводить его к выходу. Трость он держал в руке, но раскладывать ее не стал.

– Что-то подозрительно быстро вы сдались, – заметила Юля, помогая Владу преодолеть двойную дверь. – Дайте угадаю: этот якобы психотерапевт на самом деле ваш агент, который потом в деталях расскажет вам о ходе допроса?

Выйдя на крыльцо, она сразу заметила на парковке БМВ Влада, рядом с которым меланхолично курил Игорь, а вот дяди нигде видно не было, как и его машины. Похоже, та магическим образом все-таки завелась без дополнительных усилий.

– Ты меня переоцениваешь, – улыбнулся Влад, останавливаясь и вынуждая остановиться ее. – Психотерапевт – это настоящий психотерапевт, у которого я как раз был на приеме, когда моя рука нарисовала новую картинку.

– Вы были на приеме у психотерапевта? – Юля подозрительно сощурилась. – Хотите поговорить об этом?

– Честно говоря, не особо.

– Ладно. Но вы же все равно надеетесь, что он вам все расскажет, да? – не унималась Юля. – Иначе почему вдруг так легко ушли? Да еще и рисунок отдали...

– Рисунок мне не жалко, у меня есть его фотография, – отмахнулся Влад. – И я сомневаюсь, что Валентин Евгеньевич что-нибудь мне расскажет. Соболев наверняка заставит его подписать какое-нибудь обязательство о неразглашении. А если этот парнишка еще и пациентом его станет, то тут уж

точно подробностей не дождешься. Нет, я, конечно, спрошу, но шансов получить ответ мало.

- Тогда в чем смысл? - не поняла Юля.

- Я искренне надеюсь, что рисунок и Валентин Евгеньевич помогут полиции. Соболев хороший сыщик. Немного зашоренный, но не глупый. Пусть расследует то, что умеет. А мы будем двигаться параллельным курсом.

- Да? А что именно мы собираемся расследовать?

- Пока не знаю. Ты голодна? Я вот что-то проголодался, а любая тема становится не такой страшной, если обсуждать ее за едой.

Юля была не просто голодна, а голодна зверски. Ее знобило, в животе ныло и урчало, голова начинала раскалываться, а доносящийся откуда-то запах хот-догов вызывал такое слюноотделение, что можно было захлебнуться. Она с трудом удерживала себя от того, чтобы побежать к палатке с этими хот-догами и купить себе сразу три. Новый год еще не скоро, сегодня можно и поесть, раз уж день пошел кувырком.

- Я только обедала и было это давно, - вздохнула Юля, стараясь сохранить лицо. О том, что обед состоял из бутылочки йогурта, пары хлебцев и чашки кофе, она решила умолчать.

- Тогда куда бы ты хотела пойти? Я угощаю, но ты можешь выбрать.

- Нет уж, выбирайте сами, раз угощаете, - улыбнулась Юля. - Не думаю, что вам понравятся привычные мне варианты.

- Почему?

- Потому что я бы сейчас просто купила хот-дог в палатке, которая, судя по запаху, стоит где-то рядом. Думаю, у проспекта. Но вы вряд ли такое едите.

- Какое - такое? - насмешливо уточнил Влад. - Сосиски и хлеб?

- Поганые сосиски с сомнительным хлебом, - пояснила Юля.

Он повернулся к ней всем корпусом и, если бы мог, наверняка укоризненно уставился бы на нее, но его глаза как всегда смотрели в пустоту.

- Юль, знаешь, я ведь не наследный принц, родившийся в роскоши. Мой отец не всегда был владельцем огромного холдинга. Мое детство пришлось на девяностые, так что поганых сосисок в нем хватало. Возможно, они были даже хуже, чем те, которые готовят в той палатке сейчас, но я их обожал.

Юля удивленно приподняла брови, чего он, конечно, не увидел, и недоверчиво уточнила:

- Так мы что, идем есть хот-доги?

- Ты что, с ума сошла? Ни в коем случае, - фыркнул Влад. - Не вижу смысла травиться этим сейчас, когда есть возможность поужинать в приемлемом ресторане. Хороший в Шелково я пока не нашел, но пара приемлемых тут есть.

Она рассмеялась и снова взяла его под руку.

- Вот я и говорю: выбирайте сами. А то, если доверите выбор мне, окажетесь в «Бургер Кинге». А вам это понравится еще меньше, чем хот-доги из палатки.

- Определенно, - согласился Влад, спускаясь с ней по невысокой лестнице.

- У меня только одна просьба.

- Какая?

- Из тех двух, что вы знаете, выбирайте, который поближе.

22 ноября 2016 года, 19:30

Даже войдя в допросную комнату и усевшись напротив парня, столь внезапно появившегося на Пряниковском шоссе этим вечером, Соболев до конца не определился с линией разговора. Перед ним преступник или жертва? Большинство фактов говорило в пользу первого, но вероятность второго варианта оставалась.

Впрочем, на вопросы тот все равно не реагировал. Сидел на стуле, ссутулившись и зажав руки между коленями. Соболев видел, как они дрожали, когда парень жадно пил принесенную ему воду, но это была практически единственная реакция на внешние раздражители за все время.

В том, что перед ним Кирилл Пронин, Соболев не сомневался: хоть лицо парня и осунулось, а глаза стали казаться темнее из-за появившихся под ними синяков, он все равно оставался похож на принесенную родителями фотографию. Так где же Ярослав Бойко?

– Где вы были, Кирилл? И что там случилось? Куда делся Ярослав? – упрямо озвучил он свои вопросы, хотя ни на один предыдущий парень не ответил. Только сидел, глядя в одну точку перед собой, и едва заметно раскачивался взад-вперед. – Молчанием ты только делаешь себе хуже. Мы взяли твою одежду на экспертизу. Она вся в крови, но на тебе ни царапины, из чего я делаю вывод, что кровь не твоя. Как думаешь, ее группа совпадет с группой крови Ярослава?

Кирилл даже ухом не повел. «Тотальный игнор», как говорил сын Соболева. Это уже всерьез начинало раздражать. Настало время немного надавить, поэтому Соболев вытащил из папки, лежавшей на столе перед ним, принесенный Владом – а точнее, его дружком-психотерапевтом, – рисунок и положил его перед Кириллом. Тот вдруг замер, сфокусировав взгляд на изображении: перестал раскачиваться, превратился в неподвижную статую. Его глаза заметно округлились.

Хоть какая-то реакция! И если Соболев что-то понимал в людях, то реакция эта – страх.

– Это Ярослав, Кирилл? – поинтересовался он, подаваясь вперед и опираясь на сложенные на столе руки. – Поэтому ты был в крови и держал в руках нож, когда тебя нашли? Что между вами произошло? Вы повздорили? Или, может быть, он давно тебя бесил? Или что-то тебе сделал, и ты решил его наказать? Что

случилось, Кирилл, расскажи? Ты убил его? Убил своего друга? Где его тело?

Парень вдруг снова отмер, но не вернулся к мерному раскачиванию, а нервно задергал головой, отрицательно качая ею. И вместе с тем задергался сам. Он поднял взгляд на Соболева, и в нем действительно плескался смертельный ужас. Совсем непохожий на страх перед разоблачением.

- Не я, - хрипло произнес он. - Это не я. Это она. Это кукла. Понимаете? Кукла!

- Что - кукла? - не понял Соболев, стараясь не терять зрительный контакт с парнем, хотя смотреть в его глаза почему-то было жутко даже ему.

- Это кукла, - повторил Кирилл шепотом. - Понимаете? Это она!

Он поднял правую руку и ткнул трясущимся пальцем в ту часть рисунка, где рядом с трупом сидела маленькая девочка. Шмелев и Соболев посчитали ее изображением ребенка, а Юля назвала куклой. Похоже, Кирилл был с ней согласен.

- Это кукла... кукла... кукла! - последний раз парень истерично выкрикнул это слова, затрясшись сильнее.

Он вдруг вскочил с места, да так резко, что стул с грохотом опрокинулся назад. Соболев тоже вскочил, произвольно отступая, чтобы увеличить расстояние между собой и парнем. Если тот на него бросится, будет больше времени на реакцию. Нет, щуплого и к тому же заметно истощенного парня он не боялся, скорее, боялся случайно зашибить его, если потасовка случится.

Но Кирилл не кидался на него. Он просто стоял и как заведенный повторял: «Это кукла! Кукла! Понимаете?! Ку-у-укла!» Его трясло все сильнее, он схватился за голову и вдруг страшно закричал не то от боли, не то просто от охватившего его безумия. А потом повалился на пол, словно ноги устали его держать.

В то же мгновение дверь допросной комнаты распахнулась и в нее, неожиданно проворно для человека такой комплекции, влетел Шмелев со шприцем в руках. За его спиной в дверях маячили Петр Григорьевич и судмедэксперт Логинов.

– Эй, вы чего творите?! – возмутился Соболев, когда после укола Кирилл перестал дергаться и весь обмяк, а глаза его закрылись.

– Я вколол ему успокоительное со снотворным, – невозмутимо объяснил Шмелев, не без труда поднимаясь на ноги.

– Кто вам разрешил?

– Это была необходимость, я все-таки врач! – гордо заявил Шмелев, недовольно глядя на Соболева. – Вы же сами видели: у парня начался припадок. Пускать все на самотек было опасно и для него, и для вас. А так он успокоится, поспит. И дальше с ним надо будет работать. Работать не вам, а мне, потому что ответственно вам заявляю: он не симулирует. Он действительно пережил серьезное потрясение, его психика не выдержала. Прежде, чем допрашивать, его нужно вывести из этого состояния.

– Ну, класс, – проворчал Соболев, недовольно упирая руки в бока. – Мы, возможно, имеем дело с убийством, но даже не знаем, где искать тело, а вы мне усыпили не то единственного свидетеля, не то главного подозреваемого и теперь хотите объявить его невменяемым?

– Я не говорю, что он невменяем, – Шмелев примирительно вскинул руки. – Я всего лишь говорю, что этому молодому человеку нужна психиатрическая помощь. Убийца он или жертва, а оставаться здесь ему нельзя, у вас просто нет условий для его содержания. Думаю, вы не обрадуетесь, если выяснится, что он ни в чем не виноват, но к тому времени он успеет себе серьезно навредить или даже убить себя?

Соболев насупился, но все же признал:

– Даже если он убийца, никого из нас по головке не погладят, если он тут коньки отбросит. Но если я отпущу его с вами, а он сбежит...

– Я могу поместить его в стационар, откуда сбежать не так-то просто, – предложил Шмелев. – И лично им займусь. Постараюсь вывести его из острой фазы как можно быстрее, чтобы вы могли нормально с ним поговорить. Идет?

Это казалось отличной сделкой, но на взгляд Соболева она была даже слишком хороша, поэтому он снова с подозрением посмотрел на психотерапевта.

– Слушайте, а чего вы так стараетесь? Предупреждаю, если для Федорова...

– Андрей Владимирович, – оскорбленно перебил его Шмелев. – Повторяю вам еще раз: я врач, я стараюсь ради благополучия пациента... Ну и, честно говоря, случай интересный. Я смогу использовать его в научной работе.

Такую мотивацию Соболев мог понять, поэтому согласно кивнул.

– Хорошо. Забирайте его пока в психушку, приведите в чувство. А мы начнем работать с тем, что у нас есть.

Глава 4

22 ноября 2016 года, 19:30

В больших красивых ресторанах, где на входе тебя встречают и провожают к столику, потом выдают меню и обещают через пару минут подойти за заказом, Юля бывала редко. За всю жизнь пока не больше трех раз. Первые два случились еще при папе Боре: они дважды отмечали так день рождения мамы, чтобы той не приходилось готовить и убирать. В третий раз Юля оказалась в ресторане в прошлом месяце уже с Владом, Игорем и Галкой: они заехали поужинать после увлекательного похода на кладбище. Еще тогда она поняла и запомнила, что в ресторан совершенно необязательно ходить нарядной: за столиками хватало повседневно одетых людей, которые, как и они, просто зашли поужинать компанией или решили встретиться после рабочего дня.

Поэтому сегодня Юля почти не переживала из-за того, что на ней обычные джинсы, теплый свитер и громоздкие, не очень чистые ботинки: снег иногда шел, но пока еще почти сразу таял, из-за чего под ногами постоянно лежала мокрая чавкающая грязь.

Однако, когда официант зажег маленькую свечку, стоявшую на столике, Юля все-таки немного занервничала. В сочетании с мягким освещением и расслабляющей музыкой, звучавшей в зале, трепещущий огонек свечи сделал предстоящий ужин опасно похожим на свидание. Впечатление усилил заказ Влада. Тот, по понятным причинам, никогда не брал меню, просто говорил официанту, чего бы ему хотелось, а тот уже предлагал подходящие блюда. Заказав таким образом стейк с картофельным пюре и овощной салат, Влад поинтересовался:

- Что у вас есть из красного вина?

Выслушав не слишком длинный перечень, он неожиданно обратился к Юле, которая пока еще листала меню, пытаясь найти в нем что-нибудь не слишком дорогое, сытное и хорошо ей знакомое:

- У тебя есть какие-нибудь предпочтения?

- У меня? Нет, я не буду...

- Мне кажется, тебе стоит. Тебя знобит, предполагаю, что ты или промерзла, или перенервничала. В любом случае бокал вина будет уместен.

Она не нашла в себе сил поспорить с этим утверждением: действительно чувствовала, что так и не смогла согреться ни в кабинете Соболева, ни в машине Влада. Увидев, сколько стоит заказанный Владом стейк, Юля решила, что вполне может попросить бургер с картошкой фри, которые здесь почему-то стоили раза в три больше, чем в «Бургер Кинге» без скидок. Влад настоял, чтобы она взяла еще и салат, а следом попросил добавить к заказу сырную тарелку.

Юля оценила это уже через несколько минут, поскольку вино им принесли очень быстро, а из еды к нему поначалу только сыр, кусочек которого она сразу стащила, чтобы хоть как-то утолить буквально сводящий с ума голод. Зато всего после двух глотков вина Юля наконец согрелась от кончиков пальцев рук до кончиков пальцев ног. Щеки тоже потеплели, а голова слегка закружилась: вино оказалось терпким, немного кислым на ее вкус и довольно крепким. Или дело было в том, что Юля пила очень редко, не испытывая особого интереса к алкоголю, и еще реже делала это на голодный желудок.

Салаты им принесли следом, и Юля вновь порадовалась предусмотрительности Влада: горячее, судя по всему, никто подавать не торопился, а сыр удручающе быстро заканчивался.

– Ну что, пришла в себя? – с улыбкой поинтересовался Влад, ловко орудуя ножом и вилкой, несмотря на слепоту. Он лишь время от времени ощупывал содержимое тарелки кончиками приборов, чтобы понимать, где какие кусочки лежат.

– Угу, – заверила Юля. Она предпочитала справляться с салатом одной вилкой, как привыкла дома.

– Хорошо, тогда расскажи подробнее, что и как происходило этим вечером. Где вы встретили того парня, как вы там оказались, что он делал?

Юля вздохнула, но принялась пересказывать случившееся, не забывая про салат. Тот кончился гораздо быстрее, чем ее рассказ. Тарелку с приборами сразу унесли, и чтобы как-то занять руки, Юля снова потянулась к бокалу. Она вдруг осознала, что ей нравится не столько вкус вина, сколько пить его, сидя за столиком ресторана напротив Влада, слушая приятную музыку и таская с деревянной дощечки кусочки сыра.

И Влад ей тоже нравился. То ли из-за расслабляющего эффекта алкоголя, то ли из-за последнего сна Юля сейчас чувствовала это особенно остро. Она бесстыдно рассматривала сидящего напротив мужчину, пользуясь тем, что он не видит ее взгляда, и любовалась им. Он как всегда был хорошо одет, гладко выбрит и аккуратно причесан. С наступлением холодов рубашки под пиджаком сменили тонкие свитеры с высоким горлом, но как всегда оставался неизменным цвет одежды: чтобы не путаться, Влад всегда носил черное. И ему это невероятно шло.

– Собственно, потом приехала полиция, парня забрали, нож и голову куклы упаковали, а нас на буксире оттащили к отделению. Вот и вся история, – закончила Юля, заставляя себе оторваться от любования Владом и прогнать неуместные мысли на его счет из головы. Первое ей удалось, второе – не очень.

Он кивнул, как раз тоже покончив с салатом, оставив тарелку на край стола и подперев подбородок руками.

- Как думаешь, откуда и куда он мог идти?

- Понятия не имею! - убежденно заявила Юля, выразительно пожав плечами, хотя он не мог оценить жест.

- А что там есть? - не сдавался Влад.

- Да ничего там нет. Поля какие-то. Остатки леса. Фонари. Это просто дорога из пункта А в пункт Б.

- И нет никаких промежуточных пунктов? Ответвлений?

Юля задумалась и снова пожала плечами.

- Не знаю, честно говоря. Мы всегда просто едем по шоссе, уже ближе к Пряниково сворачиваем в СНТ, где бабушкина дача.

- Так достань телефон, посмотри по карте, - предложил Влад.

Юля едва успела взять в руки смартфон, как им принесли горячие блюда. Влад заявил, что изучение карты может и подождать, а она сама решила, что это подходящий момент, чтобы затронуть тему юбилея.

- Знаете, я сегодня неожиданно познакомилась с вашим старшим братом.

Влад, уже закончивший изучать кончиками вилки и ножа содержимое деревянной подставки, на которой ему подали стейк с пюре, удивленно замер, так и не начав резать мясо.

- С Артемом?

- Насколько я знаю, у вас только один старший брат, - улыбнулась Юля.

- Да, просто... Не понимаю, где ты могла его встретить?

– У нашего дома. Кажется, он приехал специально, чтобы познакомиться со мной. Это вообще нормально для него?

Влад качнул головой и все же занялся стейком.

– Категорически нет. Обычно Артема абсолютно не интересует мое окружение. Если только ему что-то не нужно. Что ему было нужно от тебя?

– Слушайте, а у вас в семье все такие умные и проницательные? – не удержалась Юля. – Или только вы?

Влад, заметно напрягшийся после упоминания брата, расплылся в улыбке.

– Комплимент засчитан. Но на самом деле в этом нет ни ума, ни проницательности. Всего лишь опыт. Так что ему было нужно?

– Он считает, что я могу повлиять на вас и уговорить пойти на юбилей вашего отца, – прямо сообщила Юля. Ходить окольными путями она не любила и не очень-то умела. – Как думаете, он прав?

Влад раздраженно фыркнул, отложил приборы и переключил свое внимание на бокал. Однако вина там почти не осталось, он прикончил содержимое буквально одним глотком. Юля потянулась за бутылкой, чтобы налить ему еще, поскольку для него это было не так легко, но проходивший мимо официант заметил ее маневр и успел первым, подлив заодно вина и ей, хотя она не просила, а в ее бокале оставалось еще больше половины от налитого раньше.

– Вот, значит, как он решил зайти, через тебя, – пробормотал Влад, когда официант удалился.

– Он сказал, что они с сестрой уже пробовали вас уговорить, но вы почему-то категорически против, – заметила Юля. – Почему?

– Юля, во-первых, – назидательным тоном начал Влад, – если мой брат упоминает Кристину, а она сама при этом к тебе ни с какими просьбами не обращалась, то можешь не сомневаться: она вообще понятия не имеет о том, что якобы чего-то хочет или пыталась сделать. Кристина прекрасно знает, почему я

не хочу туда идти, и не собирается настаивать. Во-вторых, никого – абсолютно никого – не смущало, что я не присутствовал на дне рождения отца ни в прошлом, ни в позапрошлом году, хотя вечеринки по этому случаю он устраивает всегда, поскольку это отличная возможность пообщаться с важными людьми в неформальной обстановке. Собственно, исключительно ради бизнеса эти вечеринки и устраиваются. Так было все последние десять лет. Пока я не попал в аварию, мне тоже выдавали задание, с кем и о чем я должен между делом переговорить. Когда я выпал из бизнеса, стал никому там и не нужен. Если Артем так настаивает в этот раз, то это означает только одно: я ему зачем-то там нужен. Нет, не ради отца. Ради бизнеса. Мой брат женат на нашем холдинге, он его единственный интерес. Я уже говорил тебе: у него большие амбиции. Возможно, на празднике будет присутствовать какой-нибудь деловой партнер, маниакально помешанный на семейных ценностях. И чтобы произвести на него впечатление, Артему нужно, чтобы вся семья была в сборе. Или еще что-нибудь в таком роде. Я не хочу участвовать в этом балагане.

Юля, во время его тирады задумчиво жевавшая палочку картофеля-фри, не сразу среагировала, когда его запал иссяк. Лишь после небольшой паузы заметила, неосознанно передразнивая его манеру:

– Во-первых, вы не можете знать этого наверняка. Может быть, ваш брат действительно хочет собрать всю семью. Может быть, ваш отец по вам скучает, и на самом деле его очень обижает, что вы теперь не приходите на его день рождения. Во-вторых, даже если вы правы... Это ведь все равно ваша семья. Уж какая есть, другой не будет. Вы же сами учили меня не обижаться на маму из-за всяких пустяков...

– Не надо сравнивать моего отца и твою мать, – снова насупился Влад. – Это абсолютно разные ситуации. Мы с ним никогда не были особо близки. Мне кажется, он так и не простил мне того, что моя мать умерла. Пусть даже сохранить беременность и отсрочить начало лечения было ее выбором. Все равно он всегда был достаточно сдержан со мной. И к Артему, и к Кристине он относился иначе. Нет, он безусловно заботился обо мне, никогда меня не обижал, всем меня обеспечивал, дал мне образование и все такое. Поэтому если ему действительно будет нужна моя помощь, я никогда не откажу. Но эмоционально я ничего ему не должен. Для меня в детстве Артем был куда более значимой фигурой, чем отец. Я стремился быть похожим на него. И, наверное, рано или поздно стал бы точно таким же, как он. Если бы не авария. Знаешь, когда лежишь, слепой и обездвиженный, в тишине и одиночестве, не

остаётся ничего другого, как думать и анализировать прожитую жизнь. Я сделал свои выводы и увидел нашу семью под другим углом. Поэтому давай лучше не будем об этом, хорошо? Будем считать, ты попыталась, но у тебя ничего не получилось. Договорились?

– Как скажете, – вздохнула Юля, решив больше не давить на него. По крайней мере, сейчас. Стоило обдумать его аргументы и найти на них хорошие возражения, а сейчас, под действием вина, мозг соображал медленно.

Чтобы иметь возможность поскорее сменить тему, Юля снова взяла смартфон и открыла на нем приложение с картой местности, продолжая таскать картофель-фри свободной рукой. Бургер выглядел необычно: был очень высоким, и Юля не представляла, как можно достаточно широко открыть рот, чтобы откусить от него, поэтому пока не знала, как к нему подступить.

– Честно говоря, все равно не понимаю, откуда парень мог идти, – заметила она, перемещая карту пальцем и пытаясь прикинуть, в каком именно месте они с дядей застряли из-за поломки машины. – Да еще в таком виде. Тут есть заправка... О, даже какой-то мемориал. Надо же, никогда не обращала внимания... Съезды тоже есть. Один ведет в какой-то СНТ. Это не наш, это другой. Еще один... хм... непонятно куда. Дорога уходит далеко, потом сворачивает... В общем, вряд ли парень шел оттуда. А вот, кстати, по той стороне, по которой мы ехали, есть съезд, который ведет в детский лагерь «Радуга». Я когда-то очень хотела туда поехать, но мама была против, а потом его и вовсе закрыли. Судя по тому, что он здесь до сих пор отмечен, он либо снова работает, либо там ничего другого так и не замутили. Еще тут есть какие-то склады. Больше ничего примечательного. Впрочем, парень мог идти хоть с окраины Шелково. Весь вопрос в том, как давно он шел.

– Если бы что-то кровавое случилось на заправке, в полиции уже знали бы, – предположил Влад. – Да и искать надо, скорее всего, действительно по той стороне дороги, по которой вы ехали. Вряд ли парень в таком состоянии переходил шоссе.

– Тогда остаются склады и лагерь, – резюмировала Юля. – В принципе, и то, и другое место может быть довольно безлюдным. Даже если лагерь снова работает, сейчас не сезон, поэтому он в любом случае пустует. Склады – тоже такое место, где всякое может произойти, о чем не сразу узнают.

Влад согласно кивнул, задумчиво пережевывая стейк. Он запил его глотком вина и сделал еще одно предположение:

– Нам нужно место, с которым связана какая-нибудь городская легенда. Что-нибудь жуткое.

– Почему вы так думаете? – удивилась Юля.

– Потому что в двух других случаях, когда я рисовал труп, его находили в месте, с которым связана страшная история. И как правило, труп эту историю еще и иллюстрировал. Поищешь подходящую информацию? С историей, очевидно, должны быть как-то связаны куклы, поэтому я ставлю на детский лагерь, но и склады исключать нельзя: там игрушки тоже могут храниться.

Юля снова потыкала в экран смартфона, набирая запрос в поисковике, и через минуту вздохнула:

– Боюсь, это будет не так просто, как посмотреть карту. Поисковик меня не понял: выдает кучу сайтов с криптой на тему детских лагерей. Надо будет подумать над запросом... Или просто долго рыться в результатах.

– Необязательно делать это ...

Сигнал входящего вызова прервал его мысль. Влад обернулся: звук доносился из кармана его пальто, которое висело на вешалке позади него.

– Ты не могла бы?..

– Да, конечно.

Юля проворно вскочила, в считанные секунды добралась до вешалки, вытащила смартфон из кармана и протянула его Владу, в последний момент случайно прочитав имя на экране: «Аглая». Ее рука дрогнула, но Влад этого не заметил: уже успел забрать аппарат и ответить на звонок.

Озадаченная Юля вернулась на свое место. Она знала только одну Аглаю: местную ведьму, к которой как-то обращался ее дядя. Позже они познакомились

лично, да и Влад общался с ней. Но почему она ему звонит? Вскоре это стало понятно.

- Нет, извини, сегодня не смогу... Да, и на этой неделе не получится, я буду очень занят... Да, хорошо, я сам наберу тебе, когда освобожусь. Пока.

Он сбросил вызов и положил смартфон на стол рядом с собой. Юля не удержалась от вопроса:

- Вы пользуетесь не только услугами психотерапевта, но и гадалки?

Голос ее прозвучал чуть более напряженно, чем она хотела, и Юля недовольно поморщилась. Прозвучало так, словно она осуждает и то, и другое.

Однако если Влада и задела ее слова, то вида он не подал:

- Я пытаюсь вспомнить события дня, в который произошла авария. Считаю, что все средства хороши.

- Даже гадание? - удивилась Юля.

- Ну, как выяснилось, карты и прочие способы не в состоянии дать мне ответы, которые я ищу. Но зато Аглая погадала мне на будущее.

- И теперь, видимо, гадает регулярно? - ревниво уточнила Юля.

- Время от времени, - уклончиво ответил Влад. - А ты когда-нибудь гадала на картах? Или как-то еще?

- Ну, когда-то мы с бабушкой играли в нечто подобное, - усмехнулась Юля. - Но это было не всерьез, конечно. Она делала какие-то расклады на обычных игральных картах и, как мне кажется, придумывала трактовок на ходу. Всегда очень оживлялась, стоило где-нибудь выпасть валету. Конечно, ничего и никогда не сбывалось.

- То есть ты не веришь в подобные вещи? - уточнил Влад.

Юля удивленно посмотрела на него.

– А вы верите?

– Я рисую пророческие картинки, – напомнил он насмешливо. – Впрочем, конечно, едва ли верю, что карты могут предсказать судьбу. Скорее, мне просто интересно. Любое знание может пригодиться.

– Мне так не кажется, – неожиданно для самой себя категорично заявила Юля. То ли звонок Аглаи ее так расстроил, то ли просто вино раззадорило. – Я считаю, от таких вещей лучше держаться подальше. Если все это вранье, то зачем забивать себе голову? А если правда, то зачем ее знать? Вдруг карты покажут что-нибудь плохое? Болезнь, разлуку или даже смерть? Если уж такому суждено случиться, я не хочу знать и париться заранее. Или они могут показать, что то, чего я очень хотела бы, никогда не произойдет. Но как же жить без надежды на лучшее? Это какой-то тухлый беспросветный депресняк получится.

– А если есть возможность избежать плохого? – возразил Влад. – Ведь предупрежден, значит, вооружен.

– Говорят, от судьбы не уйдешь, – хмыкнула Юля, решив все же съесть бургер просто по частям. – Сколько фильмов смотрела на эту тему, мораль везде была одна: чем сильнее стараешься что-то предотвратить, тем хуже делаешь. Так что, на мой взгляд, лучше ничего не знать. Мне кажется, к гадалкам идут, надеясь услышать что-то хорошее. Многие из них просто этим пользуются, чтобы вытягивать из людей деньги.

Влад помолчал, почему-то выглядев несколько мрачнее, чем был до этого, а потом тихо заметил:

– Знаешь, иногда ты рассуждаешь очень по-взрослому.

– Ну так, я уже и не ребенок. И, кажется, я это наконец начинаю осознавать.

– Да, действительно, – задумчиво протянул Влад. После чего сложил приборы на опустевшей доске и отставил ее в сторону, как перед этим тарелку из-под салата. – Тогда скажи мне, взрослая девушка, что ты думаешь про десерт?

– Увы, думаю, что мне от него лучше отказаться, – рассмеялась Юля, радуясь тому, что его легкий тон вернулся. – Я и так сорвалась с диеты со всей этой историей.

– Зачем тебе диета?

– Если бы вы меня видели, вы бы не спрашивали.

– Насколько я знаю, ты и так прекрасно выглядишь, – не согласился Влад.

Юля недоверчиво посмотрела на него.

– Откуда вы можете знать?

– Я спрашивал. У Игоря и у Кристины. И даже моя чересчур озабоченная вопросами внешнего вида сестра сказала, что ты очень симпатичная. Если бы тебе нужно было похудеть, она бы это точно упомянула.

Юля почувствовала, как ее бросило в жар, щеки загорелись сильнее от мысли, что он интересовался вопросом ее внешности. Как минимум дважды, судя по всему.

– Кхм... Это, безусловно, обнадеживает, – пробормотала она. – Но от десерта я все-таки воздержусь. Я уже наелась.

Влад не стал настаивать.

22 ноября 2016 года, 21:45

За ворота территории частной психиатрической клиники, в которую он увез Кирилла Пронина, Валентин Евгеньевич вышел уже без четверти десять.

Устройство молодого парнишки в стационар заняло немало времени. Поскольку Валентин Евгеньевич сам усыпил его довольно сильным препаратом, для перевозки пришлось вызывать машину, договариваться, ждать... Сама клиника

находилась даже не в соседнем городке, а чуть дальше. Или, правильнее сказать, чуть ближе к Москве, но не совсем в том же направлении, что и Шелково. В основном сюда ложились – или родственники укладывали практически принудительно – за деньги, но можно было устроить пациента и по медицинскому полису.

Перевозка пришлась на час пик, усугубленный скверной погодой, но, по крайней мере, большую часть пути они проделали в противоположном основному движению направлении. Это было очень кстати, потому что водитель попался из принципиальных: даже попадая в затор, он отказывался включать сирену и ехать по встречной полосе, поскольку пациент не был тяжелым и никуда не торопился. На то, что Валентину Евгеньевичу предстояло заполнить кучу бумаг, ему, конечно, было наплевать. Его дело – донести.

Впрочем, гораздо важнее то, что никаких серьезных проблем в процессе не возникло: в больнице нашлось подходящее место в одиночной палате с особым наблюдением, куда Кирилл Пронина и положили. Когда Валентин Евгеньевич видел его в последний раз, он все еще крепко спал. И будет спать до завтра, в этом можно было не сомневаться. Главное – приехать пораньше и быть первым, кто поговорит с пациентом. Очень нужно узнать, что парень видел. И что помнит.

Чтобы вернуться в Шелково, пришлось вызвать такси. Теперь двигаться предстояло в том же направлении, в котором ехала и основная масса машин, а пробки на дорогах так и не рассосались, несмотря на поздний час. Таксист немного поворчал, изучая варианты в навигаторе, и в конце концов заявил, что придется ехать в объезд, по не самому популярному маршруту.

– Так чуть длиннее, но зато почти без пробок, доедем быстрее.

Валентин Евгеньевич не возражал: ему было все равно, как ехать, он лишь мечтал поскорее оказаться дома в удобном кресле, укрыть ноющие от чрезмерной активности ноги теплым пледом и налить себе горячего чая с печеньем и ванильными сухариками. Их он любил до дрожи.

Но осознав, что они едут по Пряниковскому шоссе, Валентин Евгеньевич, повинувшись внезапному импульсу, попросил:

– Давайте заедем в одно место, это по пути. Вы только не пугайтесь...

Услышав, куда пассажир хочет свернуть, таксист пытливо посмотрел на него в зеркало заднего вида, явно оценивая, насколько он может быть опасен. Валентин Евгеньевич только растянул пухлые губы в широкой улыбке. Он прекрасно понимал, что не выглядит опасным. Поэтому, получив обещание хороших чаевых, таксист все же согласился немного изменить маршрут и свернул на бетонку.

Остановившись у ворот бывшего детского лагеря, таксист заявил, что двигатель глушить не будет.

– Не знаю, что вы собираетесь тут делать, но я жду не больше пяти минут, – заявил он и потребовал расплатиться до того, как пассажир выйдет из машины. – А то ищи вас потом тут...

Валентин Евгеньевич согласился на его условия и торопливо выбрался из салона. То, что таксист не стал глушить двигатель и выключать фары, было даже к лучшему, поскольку другого источника освещения здесь не наблюдалось. Сразу стало видно, что одна створка ворот чуть приоткрыта. Потянув ее на себя, Валентин Евгеньевич полностью распахнул ворота, чтобы не только пройти самому, но и пустить на территорию лагеря свет фар.

Едва свернув на бетонку, таксист переключил свет на дальний, поэтому сейчас его хватило, чтобы осветить практически весь заросший травой и мелким кустарником двор, включая пока еще не полностью поглощенную природой игровую площадку. Лишь здания корпусов, стоявшие в отдалении, оставались темны и выглядели угрожающе.

Вокруг стояла оглушающая тишина. Валентин Евгеньевич сделал несколько шагов вперед, двигаясь медленно, с трудом, как будто находился в воде. Ноги дрожали, подгибались и едва слушались, сердце истерично колотилось в груди, отчего становилось трудно дышать как при быстрой ходьбе.

И все же, несмотря на сковывающий страх, Валентин Евгеньевич испытывал еще и сильное возбуждение, которое многие, в том числе его коллеги, сочли бы нездоровым. Но он-то хорошо знал, что понятие здоровья в отношении психики – вещь весьма и весьма условная, относительная.

Поэтому, вслушиваясь в мертвую тишину и вглядываясь в сгущающуюся рядом с корпусами темноту, он покрывался мурашками, чувствовал, как внутри все дрожит и вибрирует, и ловил от этого невыразимый кайф без всяких признаков угрызений совести.

Все возвращается. После стольких лет она возвращается!

Ему захотелось крикнуть, чтобы немного разбавить гнетущую тишину, но раздавшийся рядом глухой скрип вовремя напомнил ему об осторожности. Валентин Евгеньевич повернулся на звук и нашел взглядом качели, казавшиеся совершенно неподвижными. Он прищурился, снова всматриваясь, и торопливо зашагал к качелям, борясь и со сводящим ноги напряжением, с лишним весом, который давно мешал ему.

На качелях, бесстыдно раскинув ноги в стороны, сидела кукла, похожая на маленькую девочку в нарядном платье. Она соблазнительно улыбалась и тянулась к нему, умоляя забрать с собой.

Валентин Евгеньевич наклонился к кукле, но внезапно раздавшийся нервный автомобильный сигнал заставил его вздрогнуть и отскочить. Сигнал повторился, напоминая, что отведенное таксистом время истекло.

Схватив куклу за руку, Валентин Евгеньевич заторопился обратно, поскольку ему совершенно не хотелось застрять здесь до утра. А по такому адресу новое такси ночью вряд ли приедет.

На его появление с куклой водитель ничего не сказал, было видно, что ему на все плевать, он просто рад возможности наконец убраться отсюда. С трудом развернувшись, он погнал вперед, к шоссе, невзирая на колдобины, словно за ним кто-то гнался. Или мог погнаться.

В машине Валентин Евгеньевич старался на куклу даже не смотреть и держать ее так, чтобы таксист тоже не мог увидеть ее в зеркало заднего вида. Оказавшись у своего дома, он торопливо расплатился неоправданно крупной купюрой, бросил на ходу, что сдачи не надо, и поспешил к подъезду, продолжая держать куклу за руку как маленького ребенка.

Уже у самой двери ему вдруг почудилось, что за ним кто-то наблюдает. Перехватив куклу поудобнее, он обернулся, якобы для того, чтобы поймать свет от фонаря, стоящего рядом с домом, и сделал вид, что ищет в портфеле ключи, а на самом деле огляделся.

В стороне, на газоне между деревьями, отделявшими дом от соседнего, стоял какой-то щуплый парень. А может, это была и девчонка, кто их сейчас разберет, андрогинов этих? Важно было то, что, как показалось Валентину Евгеньевичу, его снимали на телефонную камеру. Сердце успело в ужасе пропустить удар, но в следующее мгновение парень, державший перед собой смартфон, поднес его к уху и с кем-то заговорил, ковыряя носком ботинка землю. Видимо, просто кого-то ждал.

От сердца отлегло, и, торопливо достав связку ключей, Валентин Евгеньевич вошел в подъезд и потянул на себя дверь, пока не сработал магнитный замок. Только после этого он направился к лифтам, устало пыхтя.

Оказавшись в безопасности собственной квартиры, заперев ее изнутри на оба замка и маленькую задвижку, Валентин Евгеньевич усадил куклу в свое любимое кресло и всмотрелся в ее личико. Поправил слегка растрепавшиеся волосы, разгладил подол платья, чуть поменял позу, делая ее более удобной, и испуганно отдернул руку, когда кукла заговорила:

– Привет! Как тебя зовут?.. А меня зовут Аня. Давай дружить!

Глава 5

23 ноября 2016 года, 08:05

Обычно Юля вставала по первому звонку будильника, но сегодня бодрая трель прозвучала так некстати, что она смогла только слепо нашарить аппарат на столе рядом с диваном и, практически не приходя в сознание, с трудом провести пальцем по экрану, выключая сигнал. Вскоре выяснилось, что она перепутала направление движения: будильник не выключился, а отложил звонок на десять минут. Когда сигнал раздался вновь, Юля смахнула его более вдумчиво,

приоткрыв ради этого целый один глаз, после чего перевернулась на другой бок, бросила смартфон рядом, а сама снова зарылась лицом в подушку.

Мысленно она уже решила прогулять первую пару в колледже, но вошедшая в комнату мама сломала этот чудесный план. Пришлось все же вылезать из-под одеяла и в режиме зомби брести в ванную. По пути, в коридоре, ее едва не сшиб уже позавтракавший Семка, тоже подгоняемый вездесущей мамой. Едва Юля успела плеснуть себе в лицо воды и прополоскать рот, как та постучалась в дверь.

– Да проснулась я, проснулась, – буркнула Юля недовольно, отодвигая щеколду.

Но оказалось, маму тревожило не то, насколько старшая дочь пришла в себя, а сможет ли она сегодня забрать младшего брата из школы и посидеть с ним до ее прихода.

– Дедушка все еще неважно себя чувствует, бабушка уже высказала мне, что им нужно немного покоя, – закатив глаза, сообщила мама, из чего Юля сделала вывод, что разговор был нелегким.

Чтобы забрать Семку после уроков, Юле требовалось прогулять последнюю пару, но она согласилась, понимая, что больше этого сделать все равно некому.

– А ты чего такая квелая? – удивилась мама, внимательно вглядываясь в нее. – Ты вообще спала? И сама-то не заболела после вчерашнего?

– Не заболела, – заверила Юля, сонно потерев глаза и зевнув. – Но спала действительно плохо.

– Еще бы, – вздохнула мама, качая головой. – После таких... приключений. Больше на Никитиной машине никто из нас никогда не поедет, пока он не принесет справку из сервиса, подтверждающую, что она пригодна для использования... Юль, а с глазом что?

Этот вопрос наконец прогнал сонливость. Юля вздрогнула, только теперь осознав, что стоит, прислонившись плечом к дверному косяку ванной, и смотрит на маму, почти не мигая. Она тут же опустила глаза, махнула рукой и торопливо

прошла на кухню.

- Да ничего, ерунда какая-то, уже некоторое время так.

Хотя Семка, против обыкновения, уже стоял в прихожей, практически готовый к выходу, мама последовала за ней.

- Так, дай-ка посмотреть, - велела она, заставляя Юлю повернуться к свету и заглядывая в ее правый глаз. - Слушай, это ненормально. Надо бы врачу показаться, вдруг это серьезно?

- Да что может быть серьезного? - Юля проворно вывернулась из ее рук и полезла за чашкой в шкафчик, чтобы отвернуться. - Не болит, не чешется. Видеть я хуже не стала. Само пройдет. И потом... сомневаюсь, что наш местный офтальмолог мне что-то путное скажет. Я только день потеряю в очереди. Если вообще на прием попаду.

Мама за ее спиной только согласно вздохнула: местная поликлиника оставляла желать лучшего и в плане диагностического оборудования, и в плане специалистов. Когда Юля снова повернулась, чтобы налить себе кофе, мама тревожно смотрела на наручные часы.

- Ладно, нам пора. Но если вдруг глаз заболит, дай мне знать!

Заявив это, она поторопилась к выходу, где Семка уже канючил, что ему жарко и они сейчас опоздают. Мама, конечно, не осталась в долгу и напонила, что обычно она его ждет по сто лет. Юля закрыла за ними дверь и вернулась на кухню, чтобы еще немного подремать над чашкой кофе в образовавшейся тишине. Есть после плотного ужина накануне она все равно не хотела.

С мамой она была не до конца честна. Спала Юля действительно мало, но не из-за переживаний после событий на шоссе, а потому что долго искала в интернете информацию про детский лагерь «Радуга» и безымянные склады, находящиеся недалеко от него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/obuhova_lena/probuzhdenie-kukly

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)